

Вопрос О ВИНОВНОСТИ

DIE SCHULDFRAGE
VON DER POLITISCHEN HAFTUNG
DEUTSCHLANDS

KARL JASPERS

Piper Verlag GmbH
München/Berlin
1965

Карл Ясперс

Вопрос О ВИНОВНОСТИ

О политической ответственности Германии

Предисловие
Николая Эппле

Перевод с немецкого Соломона Анта

альпина
ПАБЛИШЕР

Москва
2023

УДК 172
ББК 87.7
Я83

Переводчик Соломон Апт

Ясперс К.

Я83 Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. Предисловие Николая Эппле / Карл Ясперс; Пер. с нем. — М. : Альпина Паблишер, 2023. — 220 с.

ISBN 978-5-9614-8240-9

Трактат крупнейшего мыслителя XX века, немецкого философа, психолога и психиатра Карла Ясперса, написанный им после разгрома германского фашизма, в дни Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками. В то время побежденная Германия лежала в руинах, а общество пребывало в смятении и глубочайшей депрессии. Перед немецким народом стояла задача пересобрать себя, выработать новую национальную идентичность — «переплавиться, возродиться, отбросить все пагубное». Ясперс поднимает болезненный вопрос о том, несут ли все немцы ответственность за преступления нацистского режима, и впервые разграничивает четыре вида виновности: юридическую, политическую, моральную и метафизическую. Предисловие к книге написал Николай Эппле — исследователь исторической памяти, лауреат премии «Просветитель». Трактат публикуется в классическом переводе Соломона Апта.

УДК 172
ББК 87.7

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alpina.ru.

- © 1965 Piper Verlag GmbH, München/Berlin
- © Предисловие. Эппле Николай, 2023
- © С. Апт, наследники, перевод на русский язык, 1999, 2023
- © Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2023

ISBN 978-5-9614-8240-9 (рус.)
ISBN 978-3-4923-0019-3 (нем.)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сделать невозможное возможным.</i> <i>Предисловие Николая Эппле</i>	7
<i>Предисловие Карла Ясперса</i>	15
<i>Введение в цикл лекций о духовной ситуации в Германии</i>	17
<i>Вопрос о виновности</i>	33
А. СХЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЙ	41
1. ЧЕТЫРЕ ПОНЯТИЯ ВИНОВНОСТИ	43
2. ПОСЛЕДСТВИЯ ВИНОВНОСТИ	53
3. СИЛА. ПРАВО. МИЛОСТЬ	57
4. КТО СУДИТ И О КОМ ИЛИ О ЧЕМ СУДЯТ?	61
5. ЗАЩИТА	71
Б. НЕМЕЦКИЕ ВОПРОСЫ	77
I. РАСЧЛЕНЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ ВИНОВНОСТИ ...	87
1. Преступления	87
2. Политическая виновность	104
3. Моральная виновность	111
4. Метафизическая виновность	127
5. Выводы	130
а) Последствия виновности	130
б) Коллективная виновность	132
II. ВОЗМОЖНОСТИ ОПРАВДАНИЯ	145
1. Террор	145
2. Вина и историческая связь	149
3. Вина других	158
4. Вина всех?	170
III. НАШЕ ОЧИЩЕНИЕ	179
1. Увиливание от очищения	182
2. Путь очищения	200
<i>Послесловие 1963 года к моей статье</i> <i>«Вопрос о виновности»</i>	209

СДЕЛАТЬ НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНЫМ

ПРЕДИСЛОВИЕ НИКОЛАЯ ЭППЛЕ

В феврале 2022 года российское общество оказалось вброшено в разговор о вине и ответственности. То, что всегда казалось теоретическими и историческими материями, вдруг стало жестокой реальностью, настойчиво требующей осмысления. Работа Карла Ясперса «Вопрос о виновности» — важнейший ориентир на этом мучительном пути.

Трудно представить себе сегодня чтение более актуальное. Берясь подчеркивать в статье Ясперса фразы, словно бы специально написанные в ответ на самые насущные для сегодняшней России вопросы, обнаруживаешь, что подчеркнутыми оказываются 90% текста. Чтобы понять, как работа, написанная семьдесят с лишним лет назад в другой стране и при других обстоятельствах, может оказаться насущнейшим чтением сегодня, нужно вспомнить контекст, в котором она создавалась и читалась.

«Вопрос о виновности» представляет собой резюме лекций, читавшихся Яспер-

сом в Гейдельбергском университете сразу после окончания Второй мировой войны. В 1945 году Германия лежала в руинах, а общество пребывало в смятении и глубочайшей депрессии. Под обломками Третьего рейха оказались погребены и великая германская культура, и германское самосознание. Единственное будущее, которое просматривалось в эти годы в Германии, — это будущее страны и нации как парии среди народов. Ключевой категорией, в которой кристаллизировались основное настроение и главные дискуссии этого времени, была категория «вины», тем более актуальная в связи с представлением о коллективной вине всех немцев, распространившимся победителями в рамках политики денацификации.

Именно проблеме вины и необходимости взять на себя ответственность за преступления нацистов как единственно возможному условию возрождения Германии посвящает Ясперс свои лекции. Поначалу они вызывали понятное отторжение — как в университетской аудитории (есть свидетельства неприятия лекций студентами), так и за ее пределами. «За моей спиной люди клеветают на меня, — писал Ясперс Ханне Арендт, — коммунисты называют меня ярым сторонником национал-социализма; сердитые неудачники — предателем своей страны». В 1948 году, устав от косности

и непонимания соотечественников, Ясперс эмигрирует в Швейцарию и занимает позицию профессора философии в Базельском университете. (Философ будет частым гостем на родине и активным участником германской общественной дискуссии, но окончательно в Германию больше не вернется.) И все же, пусть и очень медленно, позиция Ясперса находила все больше и больше сторонников внутри Германии. Тезисы, впервые высказанные в гейдельбергских лекциях, закладывают основу для общенациональной дискуссии. Если первое издание «Вопроса о виновности» в 1946 году было замечено только интеллектуалами, его переиздание 1962 года находит куда более широкую аудиторию. Пройдет еще три десятилетия, и идеи этой книги станут в Германии сначала интеллектуальным, а затем и политическим мейнстримом.

Если попробовать сформулировать главные причины, благодаря которым статья Ясперса все же «сработала», можно выделить два момента. Во-первых, это уникальное положение самого Ясперса. Его репутация одного из ведущих германских интеллектуалов сложилась до 1933 года, он не запятнан поддержкой нацистов и в то же время в отличие от большинства инакомыслящих не покинул страну и пережил самые тяжелые годы вместе с ней. Женатый на еврейке Гертруде

Майер и отказавшийся с ней развестись после принятия расовых законов, Ясперс в 1937 году был отстранен от преподавания в Гейдельбергском университете, а в 1938-м лишен возможности публиковаться. До конца войны он находился в изоляции, ожидая ареста (по некоторым свидетельствам, в последние годы войны супруги Ясперс готовились к совместному самоубийству). Философ выжил чудом: он и его жена были в списке предназначенных для депортации в концлагерь Равенсбрюк в апреле 1945 года, и только освобождение Гейдельберга в мае 1945-го спасло их от смерти. Едва ли кто-то в первые послевоенные годы мог поднимать вопрос о виновности Германии с большей надеждой быть услышанным, чем Ясперс.

Второе обстоятельство, обеспечившее лекциям Ясперса внимание читателей, — это крайне точно выбранный предмет разговора и его тон. Как опытный психолог и грамотный мыслитель, Ясперс понимает, что царящее в умах и душах немцев смятение можно преодолеть, только максимально четко разделив ключевые понятия, разграничив собственно виды виновности. «Чтобы держаться правды, нужны разграничения», — говорит он.

Формально статья Ясперса представляет собой эту самую категоризацию и комментарии к ней. Но, принимаясь за чтение, сразу

замечаешь отличие этого текста от его популярных пересказов, в которых разграничением видов вины все и заканчивается. У Ясперса с этого разделения как такового все только начинается — неслучайно сама категоризация занимает только 3% текста, а остальное составляют комментарии. Более того, при чтении становится понятно, насколько условно это разделение. Сам Ясперс говорит, что в конечном счете корень того, что мы называем виной, есть нечто единое. Разграничения же необходимы, чтобы уяснить это единство, перейти от смятения и эмоций к работе понимания, а затем к воплощению в жизнь сделанных выводов. Признание вины и принятие ответственности — очень часто усилие по-человечески невозможное (человеку куда естественнее пытаться снять с себя вину, «перевести стрелки» и отбиться от обвинителя). Аргументация Ясперса напоминает действие системы механических блоков, помогающих человеку за счет грамотного распределения нагрузки поднять тяжесть, во много раз превышающую его обычные возможности, сделать невозможное возможным.

Чтобы этот процесс начался, необходимы два условия. Во-первых, этот разговор должен объединять всех немцев. Послевоенное германское общество предельно разделено («общее у нас — разобщенность»), оно утра-

тило элементарные навыки ведения дискуссии, умение слышать и понимать другого. Но разговор, призванный привести нацию в себя, возможен, только если она все же хочет мыслить себя единством, а немцы готовы сделать усилие движения навстречу друг другу: «Германия сможет прийти в себя, если мы, немцы, через общение пробьемся друг к другу. Если мы научимся действительно говорить друг с другом, то только при сознании, что мы очень различны».

Такой разговор — именно здесь Ясперс выступает как опытный психолог — не может вестись с внешней позиции. И Ясперс ведет разговор изнутри, как немец и как тот, на ком лежит такая же ответственность, как и на всех прочих, — притом что, желая освободиться от ответственности, он, с риском для жизни отказывавшийся идти на компромисс с режимом, имел бы для этого достаточно оснований. Важнейшее местоимение в этом разговоре «мы», а его важнейший тезис состоит в том, что категория моральной виновности — ключевой, поскольку она стоит в центре всей системы категорий и тесно связана с другими видами виновности, — применима субъектом только к самому себе. Ее невозможно возложить на человека извне — и это важный тезис, потому что он освобождает субъекта, пытающегося вести мучительную и тонкую работу

с совестью, от внешнего давления и моральной паники. Никакой суд победителей, никакие установленные союзниками стенды с фотографиями жертв концлагерей и надписями «Эти зверства — ваша вина» не могут выносить суждение о моральной виновности; «Тут мы предоставлены самим себе». Но предоставленный самому себе для болезненного морального самоанализа, субъект не имеет права на самооправдание. Внутренний поворот, делающий возможным (но не гарантирующий) возрождение и моральное, и политическое, возможен только при условии бескомпромиссной честности с самим собой.

Статья Ясперса послужила одной из отправных точек уникального процесса изменения ума и сердца целой нации. Внутренний поворот, необходимости которого посвящен «Вопрос о виновности», совершился — хотя и занял несколько десятков лет и встретил невероятное количество препятствий. И по мере того, как отторжение по отношению к «вопросу виновности» уступало место принятию и из жертвы внешних сил и обстоятельств общество становилось субъектом изменений, меняло оттенок само слово «ответственность». Из чего-то, напоминающего горькое лекарство, оно превращалось в источник надежды и вдохновения, из категории, обращенной в прошлое, — в понятие, устремленное в будущее.

Как не раз говорит на страницах своей работы Ясперс, принятие ответственности за преступления есть единственный рецепт возрождения в будущем — и потому единственный залог надежды. Это тяжело, потому что предполагает по-настоящему мучительный внутренний поворот, готовность в каком-то смысле поставить на себе крест, принять унижение и клеймо злодея, которого по многим соображениям ты, возможно, не заслуживаешь. Но в то же время это означает, что невозможное все же возможно, и пример Германии, прошедшей этот тяжелейший путь и благодаря этому сумевшей возродиться из пепла, — лучшее тому подтверждение.

Николай Эппле,
*исследователь исторической памяти,
лауреат премии «Просветитель»*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из цикла лекций о духовной ситуации в Германии, прочитанных в зимний семестр 1945/46 года, здесь публикуется содержание уроков, посвященных вопросу виновности.

Всеми этими рассуждениями я, как немец среди немцев, хочу способствовать ясности и единодушию, а как человек среди людей участвовать в наших поисках истины.

Гейдельберг, апрель 1946

ВВЕДЕНИЕ В ЦИКЛ ЛЕКЦИЙ О ДУХОВНОЙ СИТУАЦИИ В ГЕРМАНИИ

Мы в Германии должны сообща разобраться в духовных вопросах. У нас еще нет общей почвы. Мы только пытаемся сблизиться друг с другом.

То, что я излагаю вам, возникло из разговоров, которые все мы ведем, каждый в своем кругу.

С мыслями, которые я изложу, пусть каждый поступает по-своему, не надо просто принимать их на веру, надо представить их себе и проверить.

Давайте научимся говорить друг с другом. То есть давайте не только повторять свое мнение, а слушать, что думает другой. Давайте не только утверждать, но и связно рассуждать, прислушиваться к доводам, быть готовыми посмотреть на вещи по-новому. Давайте попробуем мысленно становиться на точку зрения другого. Более того, давайте прямо-таки выискивать все, что противоречит нашему мнению. Уловить общее в противоречащем важнее, чем поспешно отметить исключаящие друг

друга позиции, при которых уже нет смысла продолжать разговор.

Очень легко запальчиво отстаивать решительное суждение; трудно что-то спокойно представить себе. Легко прекратить разговор упрямыми утверждениями; трудно неукоснительно, не ограничиваясь утверждениями, проникать в суть истины. Легко подхватить какое-то мнение и держаться за него, чтобы избавиться себя от дальнейших раздумий; трудно шаг за шагом продвигаться вперед и никогда не отмахиваться от дальнейших вопросов.

Мы должны вновь обрести готовность к размышлению. Для этого нам нужно не опьянять себя чувством гордости, отчаяния, возмущения, упрямства, мести, презрения, а заморозить эти чувства и посмотреть, как обстоит дело в действительности.

Но при разговоре надо учитывать и обратное: легко все продумывать, ни к чему себя не обязывая и ни на что не решаясь; трудно при ярком свете непредвзятой мысли принять истинное решение. Легко за словами увильнуть от ответственности; трудно держаться принятого решения, но без упрямства. Легко в каждой конкретной ситуации идти по линии наименьшего сопротивления; трудно, руководствуясь этим безусловным решением, держаться при всей подвижности и гибкости мысли определившегося пути.

Мы неизбежно коснемся вопросов нашего происхождения, если мы действительно способны говорить друг с другом. Для этого в нас всегда должно оставаться что-то, что доверяет другому и заслуживает доверия. Тогда в диалоге возможна та тишина, в которой вместе слушают и слышат правду.

Поэтому не будем злиться друг на друга, а попытаемся сообща найти путь. Запальчивость свидетельствует против правдивости говорящего. Не будем патетически бить себя в грудь, чтобы обидеть другого, не будем самодовольно восхвалять то, что предназначено лишь для оскорбления другого. Но не надо никаких ограничений ради шадящей сдержанности, никаких смягчений умолчанием, никаких утешений обманом. Нет такого вопроса, которого нельзя было бы поставить, нет такого полюбившегося убеждения, такого чувства, такой кардинальной лжи, которые следовало бы защищать. Но уж вовсе непозволительно бросаться вызывающими, необоснованными, скороспелыми суждениями. Мы составляем одно целое; мы должны чувствовать свою общность, когда говорим друг с другом.

В таком разговоре никто не судья другому, каждый одновременно обвиняемый и судья. Все эти годы мы вместе слушали, как объявляют презренными других людей. Мы не хотим продолжать в том же духе.

Но удастся нам это всегда только отчасти. Мы все склонны оправдывать себя и осыпать обвинениями силы, которые представляются нам враждебными. Сегодня мы должны проверять себя строже, чем когда-либо. Уясним себе следующее: в ходе вещей всегда кажется, что прав тот, кто выжил. Кажется, что успех — свидетельство правоты. Кто выплывает на поверхность, тот считает, что его дело правое. Отсюда — глубокая слепая несправедливость к потерпевшим крах, к слабым, к тем, кто растоптан событиями.

Так бывает всегда. Таков был прусско-немецкий шум после 1866 и 1870 годов, вызвавший ужас у Ницше. Таков был более дикий шум национал-социализма после 1933 года.

И теперь мы сами должны спросить себя, не поднимаем ли мы снова какой-то шум, не мним ли себя правыми, не возводим ли в некую легитимность просто то, что мы выжили и пострадали.

Нам должно быть ясно: тем, что мы живы и выжили, мы обязаны не самим себе; если у нас теперь создалась новая обстановка с новыми возможностями среди страшной разрухи, то достигли мы этого отнюдь не собственной силой. Не будем притязать на легитимность, которая нам не причитается.

Точно так же, как каждое немецкое правительство есть сегодня авторитарное прави-

тельство, назначенное союзниками, каждый немец, каждый из нас, обязан сферой своей деятельности воле или разрешению союзников. Это жестокий факт. Наша правдивость заставляет нас не забывать о нем ни на один день. Он предохраняет нас от заносчивости, учит нас скромности.

И сегодня, как в любое время, есть возмущенные люди, которые считают, что они правы, и ставят себе в заслугу то, что произошло благодаря другим.

Никто не в силах избежать этой ситуации полностью. Мы сами возмущены. Пусть возмущение очистится. Мы боремся за чистоту души.

Для этого нужна не только работа разума, но и вызванная им работа сердца. Вы, слушая эти лекции, будете соглашаться или не соглашаться со мной, да и сам я буду продвигаться в своих раздумьях не без волнения. Хотя при монологе одной стороны фактически разговора не будет, мне не избежать того, что кто-то почувствует себя чуть ли не лично задетым. Заранее прошу: простите, если обижу. Я этого не хочу. Но я собираюсь как можно осмотрительнее высказать самые радикальные мысли.

Если мы научимся говорить друг с другом, мы добьемся большего, чем связь между нами. Мы создадим необходимую основу для того, чтобы говорить с другими народами.

В полной откровенности и честности заключено не только наше достоинство, которое возможно и в бессилии, — в них и наш шанс. Перед каждым немцем стоит вопрос, хочет ли он идти этим путем, рискуя всяческими разочарованиями, рискуя дальнейшими потерями, рискуя дать повод для злоупотреблений властям. Ответ: это единственный путь, который охранит нашу душу от положения парии. Что ждет нас на нем, нам надо увидеть. Это рискованное духовно-политическое предприятие на краю пропасти. Если успех возможен, то только нескорый. Нам еще долго будут не доверять.

Поза гордого молчания — это на короткий срок, может быть, и оправданная маска, за которой можно перевести дух и опомниться. Но она становится самообманом, а по отношению к другому — лукавством, если позволяет упрямо замкнуться в себе, воспротивиться ясности, уклониться от окружающей реальности. Гордость, ложно считающая себя мужественной, а на самом деле увиливающая, прибегает к молчанию как к последнему оставшемуся при полной беспомощности боевому приему.

Говорить друг с другом в Германии сегодня затруднительно, но это — главная задача, ибо мы чрезвычайно отличаемся друг от друга в том, что мы испытали и чувствовали, в том,

чего мы желали и что делали. Под покровом вынужденной внешней общности скрывают то, что полно возможностей и теперь может развиваться.

Мы должны научиться видеть трудности ситуаций и позиций, совершенно не похожих на наши собственные, и научиться сочувствию.

Общее у нас, немцев, сегодня в основном, пожалуй, лишь негативно: принадлежность к населению полностью побежденного государства, отданного на милость или немилость победителей; отсутствие общей, всех нас соединяющей почвы: каждый предоставлен, по сути, самому себе, и все же каждый в отдельности беспомощен. Общее у нас — разобщенность.

В молчании, под нивелирующие речи официальной пропаганды этих двенадцати лет, мы занимали очень разные внутренние позиции. У нас в Германии нет единства ни душ, ни оценок, ни желаний. То, во что мы все эти годы верили, что считали правдой, что составляло для нас смысл жизни, было очень несходно, поэтому теперь и меняться каждый должен по-своему. Мы все меняемся. Но не все мы идем одним и тем же путем к новой, вновь соединяющей нас почве, которую мы ищем. Каждый должен в такой катастрофе переплавиться и родиться вторично, не боясь, что это его опозорит.

ОБЩЕЕ У НАС, НЕМЦЕВ,
СЕГОДНЯ В ОСНОВНОМ,
ПОЖАЛУЙ, ЛИШЬ НЕГАТИВНО:
ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ
К НАСЕЛЕНИЮ ПОЛНОСТЬЮ
ПОБЕЖДЕННОГО ГОСУДАРСТВА,
ОТДАННОГО НА МИЛОСТЬ ИЛИ
НЕМИЛОСТЬ ПОБЕДИТЕЛЕЙ;
ОТСУТСТВИЕ ОБЩЕЙ,
ВСЕХ НАС СОЕДИНЯЮЩЕЙ
ПОЧВЫ: КАЖДЫЙ
ПРЕДОСТАВЛЕН, ПО СУТИ,
САМОМУ СЕБЕ, И ВСЕ ЖЕ
КАЖДЫЙ В ОТДЕЛЬНОСТИ
БЕСПОМОЩЕН. ОБЩЕЕ У НАС —
РАЗОБЩЕННОСТЬ.

Если теперь всплывают на поверхность различия, то потому, что в течение двенадцати лет открытая дискуссия была невозможна, что и в частной жизни всякая оппозиционность ограничивалась задушевными беседами, а порой сдерживала себя и перед друзьями. Публичным и общим, а потому суггестивным и почти естественным для выросшей среди этого молодежи был только национал-социалистический способ думать и говорить.

Сегодня, когда мы опять можем свободно говорить, у нас такое ощущение, будто мы пришли из разных миров. Однако все мы говорим на немецком языке, и все родились в этой стране, и здесь наша родина.

Мы хотим пробиться друг к другу, говорить друг с другом, попытаться убедить друг друга.

Диаметрально различно было наше восприятие событий: одни пережили катастрофу национального бесчестия уже в 1933 году, другие — в июне 1934 года, третьи — в 1938-м, во время еврейских погромов, иные — в 1942-м, когда поражение стало вероятным, или в 1943-м, когда сомнений в нем уже не было, а некоторые лишь в 1945-м, когда оно и в самом деле последовало. Для первых 1945 год был годом освобождения и новых возможностей, для других это были самые трудные дни, потому что пришел конец мнимо национальной империи.

Некоторые, увидев истоки беды, сделали самые радикальные выводы. Они уже в 1933 году желали вмешательства западных держав: коль скоро двери немецкой тюрьмы захлопнулись, освобождение может прийти только извне. Будущее немецкой души связывалось с этим освобождением. Чтобы немецкая суть не была уничтожена полностью, братским государствам западной ориентации следовало в общеевропейских интересах осуществить это освобождение как можно скорее. Такого освобождения не произошло, путь продлился до 1945 года, до полнейшего истощения всех наших физических и нравственных сил.

Но это отнюдь не наше общее мнение. Кроме тех, кто видел или все еще видит в национал-социализме золотой век, существовали противники национал-социализма, которые были все же убеждены, что победа гитлеровской Германии не приведет к уничтожению немецкой сути. Наоборот, в такой победе они видели задатки великого будущего Германии, полагая, что победоносная Германия избавится от этой партии, будь то сразу же или со смертью Гитлера. Они не верили старой идее, что всякая государственная власть может держаться лишь на тех силах, которые ее основали, не верили, что по самой природе вещей террор именно после победы наберет силу, что после победы и роспуска армии Германию,

как народ рабов, возьмет за горло СС, чтобы вершить унылое, разрушительное, убивающее свободу господство, при котором все немецкое задохнется.

В отдельных своих проявлениях нынешняя беда чрезвычайно разнообразна. У каждого, конечно, свои заботы, свои чувствительные ограничения, свои физические страдания, но очень большая разница, есть ли еще у человека жилье и домашняя утварь или его дом разбомбили; страдал ли он и терпел потери, сражаясь на фронте или сидя дома или в концлагере; принадлежал ли он к преследуемым гестапо или к пользовавшимся, хоть и со страхом, благами при нацистском режиме. Почти каждый терял друзей и родных, но как он терял их — в бою на фронте, во время бомбежки, в концлагере или при массовых убийствах, которые совершал режим, — это имеет следствием очень различные внутренние позиции. У беды много разновидностей. Большинство по-настоящему чувствует только свою собственную. Каждый склонен считать утраты и страдания жертвой, но за что была принесена жертва, толкуется до такой степени по-разному, что именно это и разъединяет людей.

Огромно различие, вызванное потерей веры. Только церковная или трансцендентно обоснованная философская вера может выдержать

ОЧЕНЬ БОЛЬШАЯ РАЗНИЦА,
ЕСТЬ ЛИ ЕЩЕ У ЧЕЛОВЕКА
ЖИЛЬЕ И ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ
ИЛИ ЕГО ДОМ РАЗБОМБИЛИ;
СТРАДАЛ ЛИ ОН И ТЕРПЕЛ
ПОТЕРИ, СРАЖАЯСЬ
НА ФРОНТЕ ИЛИ СИДЯ
ДОМА ИЛИ В КОНЦЛАГЕРЕ;
ПРИНАДЛЕЖАЛ ЛИ
ОН К ПРЕСЛЕДУЕМЫМ ГЕСТАПО
ИЛИ К ПОЛЬЗОВАВШИМСЯ,
ХОТЬ И СО СТРАХОМ, БЛАГАМИ
ПРИ НАЦИСТСКОМ РЕЖИМЕ.

все эти катастрофы. То, что имело вес в мире, пришло в негодность. Верующий националист может лишь мыслями, которые еще абсурднее, чем мысли того времени, когда он господствовал, гоняться за своими рассыпавшимися мечтами. Националист стоит в растерянности между очевидной для него порочностью национал-социализма и реальностью положения Германии.

Все эти различия постоянно приводят к разрыву между нами, немцами, тем более что наша жизнь лишена общей этической-политической основы. У нас есть лишь призраки действительно общей политической почвы, стоя на которой мы могли бы сохранять солидарность даже при самых горячих спорах. Нам очень не хватает способности говорить друг с другом и слушать друг друга.

Хуже того, многие люди не хотят по-настоящему думать. Они ищут только лозунгов и повиновения. Они не спрашивают, а если отвечают, то разве что повторением заученных фраз. Они умеют только повиноваться, не проверять, не понимать, и поэтому их нельзя убедить. Как говорить с людьми, которые отстраняются там, где надо проверять и думать и где люди идут к своей самостоятельности через понимание и убеждение!

Германия сможет прийти в себя, если мы, немцы, через общение пробьемся друг к другу.

ХУЖЕ ТОГО,
МНОГИЕ ЛЮДИ НЕ ХОТЯТ
ПО-НАСТОЯЩЕМУ ДУМАТЬ.

ОНИ ИЩУТ ТОЛЬКО
ЛОЗУНГОВ И ПОВИНОВЕНИЯ.

ОНИ НЕ СПРАШИВАЮТ,
А ЕСЛИ ОТВЕЧАЮТ, ТО РАЗВЕ
ЧТО ПОВТОРЕНИЕМ ЗАУЧЕННЫХ
ФРАЗ. ОНИ УМЕЮТ ТОЛЬКО
ПОВИНОВАТЬСЯ, НЕ ПРОВЕРЯТЬ,
НЕ ПОНИМАТЬ, И ПОЭТОМУ
ИХ НЕЛЬЗЯ УБЕДИТЬ.

Если мы научимся действительно говорить друг с другом, то только при сознании, что мы очень различны.

Единство через принуждение ничего не стоит, оно, как призрак, рассыпается при катастрофе.

Единодушие через разговор друг с другом и понимание ведет к прочному объединению.

Когда мы будем говорить о типичном, никто не должен относить себя к той или иной категории. Кто все примет на свой счет, тот пусть сам за это и отвечает.

ВОПРОС О ВИНОВНОСТИ

Почти весь мир выступает с обвинением против Германии и против немцев. Наша вина обсуждается с возмущением, с ужасом, с ненавистью, с презрением. Хотят наказания и возмездия. В этом участвуют не только победители, но и некоторые немецкие эмигранты, даже граждане нейтральных государств. В Германии есть люди, которые признают вину, не делая исключения для самих себя, есть и много таких, которые считают себя невиновными, но возлагают вину на других.

Проще всего уйти от вопроса. Мы живем в нужде, большая часть нашего населения — в настолько большой, настолько непосредственной нужде, что ей уже, кажется, не до таких разборов. Ее интересует то, что может побороть нужду, дать работу и хлеб, жилье и тепло. Горизонт сузился. Люди не хотят слышать о виновности, о прошлом, их не заботит мировая история. Они хотят просто перестать страдать, хотят выкарабкаться из нищеты, хотят жить, а не размышлять. Настроение скорее такое, словно после столь страшных страданий

ГОРИЗОНТ СУЗИЛСЯ.
ЛЮДИ НЕ ХОТЯТ СЛЫШАТЬ
О ВИНОВНОСТИ, О ПРОШЛОМ,
ИХ НЕ ЗАБОТИТ МИРОВАЯ
ИСТОРИЯ. ОНИ ХОТЯТ
ПРОСТО ПЕРЕСТАТЬ СТРАДАТЬ,
ХОТЯТ ВЫКАРАБКАТЬСЯ
ИЗ НИЩЕТЫ, ХОТЯТ
ЖИТЬ, А НЕ РАЗМЫШЛЯТЬ.
НАСТРОЕНИЕ СКОРЕЕ ТАКОЕ,
СЛОВНО ПОСЛЕ СТОЛЬ
СТРАШНЫХ СТРАДАНИЙ
СЛЕДОВАЛО БЫ ЖДАТЬ
ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ, НА ХУДОЙ
КОНЕЦ УТЕШЕНИЯ,
НО УЖ НИКАК НЕ ВЗВАЛИВАТЬ
НА СЕБЯ
ЕЩЕ И ВИНУ.

следовало бы ждать вознаграждения, на худой конец утешения, но уж никак не взваливать на себя еще и вину.

Тем не менее даже тот, кому хуже некуда, минутами чувствует стремление к спокойной правде. То, что к нужде прибавляется еще и обвинение, это не пустяк и не просто повод для раздражения. Мы хотим ясности — справедливо это обвинение или несправедливо и в каком смысле. Ибо именно в нужде может быть особенно ощутимо самое необходимое: навести чистоту в собственной душе, думать и поступать так, чтобы этим можно было жить при полном разорении. Мы, немцы, все без исключения, действительно обязаны иметь ясность в вопросе нашей виновности и сделать из этого выводы. Наше человеческое достоинство обязывает нас к этому. Уже то, что думает о нас мир, не может быть нам безразлично, ибо мы знаем, что составляем часть человечества; мы сначала люди, а потом немцы. Но еще важнее для нас то, что наша собственная жизнь в нужде и зависимости может обрести достоинство только при правдивости перед самими собой. Вопрос виновности — это еще в большей мере, чем вопрос других к нам, наш вопрос к самим себе. От того, как мы ответим на него в глубине души, зависит наше теперешнее мировосприятие и самосознание. Это вопрос жизни для немецкой

души. Только через него может произойти поворот, который приведет нас к обновлению нашей сути. Когда нас объявляют виновными победители, это имеет, конечно, серьезнейшие последствия для нашего существования, носит политический характер, но не помогает нам в самом важном — совершить внутренний поворот. Тут мы предоставлены самим себе. Философия и богословие призваны осветить глубину вопроса виновности.

Рассуждения по вопросу виновности страдают смешением понятий и точек зрения. Чтобы держаться правды, нужны разграничения. Я набросаю эти разграничения сначала схематически, чтобы затем с их помощью прояснить наше, немцев, теперешнее положение. Разумеется, разграничения эти не абсолютны. В конечном счете корень того, что мы называем виной, находится в чем-то одном, всеохватывающем. Но уяснить это можно только путем разграничений.

Наши темные чувства не заслуживают безоговорочного доверия. Непосредственность, спору нет, — это настоящая действительность, это сиюминутность нашей души. Но чувства — это не просто некая жизненная данность. Они обусловлены нашим внутренним поведением, нашими мыслями, нашим знанием. Они углубляются и проясняются в той мере, в какой мы мыслим. На чувство

◆

ВОПРОС ВИНОВНОСТИ —
ЭТО ЕЩЕ В БОЛЬШЕЙ МЕРЕ,
ЧЕМ ВОПРОС ДРУГИХ К НАМ,
НАШ ВОПРОС К САМИМ СЕБЕ.
ОТ ТОГО, КАК МЫ ОТВЕТИМ
НА НЕГО В ГЛУБИНЕ ДУШИ,
ЗАВИСИТ НАШЕ ТЕПЕРЕШНЕЕ
МИРОВОСПРИЯТИЕ
И САМОСОЗНАНИЕ.

◆

как таковое положиться нельзя. Сослаться на чувство — это наивность, уклоняющаяся от объективности познаваемого и мыслимого. Только всесторонне обдумав и представив себе что-то — а чувства этот процесс постоянно сопровождают, направляют его и мешают ему, — мы приходим к истинному чувству, на которое можно положиться в жизни.

КОГДА НАС ОБЪЯВЛЯЮТ
ВИНОВНЫМИ ПОБЕДИТЕЛИ,
ЭТО ИМЕЕТ, КОНЕЧНО,
СЕРЬЕЗНЕЙШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ДЛЯ НАШЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ,
НОСИТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ХАРАКТЕР, НО НЕ ПОМОГАЕТ
НАМ В САМОМ ВАЖНОМ —
СОВЕРШИТЬ ВНУТРЕННИЙ
ПОВОРОТ.
ТУТ МЫ ПРЕДОСТАВЛЕНЫ
САМИМ СЕБЕ.

А. СХЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЙ

1. Четыре понятия ВИНОВНОСТИ

Следует различать:

1. *Уголовную виновность*. Преступления состоят в объективно доказуемых действиях, нарушающих недвусмысленные законы. *Инстанцией* является суд, который с соблюдением формальностей точно устанавливает состав преступления и применяет соответствующие законы.

2. *Политическую виновность*. Она состоит в действиях государственных деятелей и в принадлежности к гражданам определенного государства, в силу чего я должен расплачиваться за последствия действий этого государства, под властью которого нахожусь и благодаря укладу которого существую (политическая ответственность). Каждый человек отвечает вместе с другими за то, как им правят. *Инстанцией* является власть и *воля победителя* — как во внутренней, так и во внешней политике. Решает успех. Умерить произвол и власть могут политическая мудрость, думающая о дальнейших последствиях, и признание норм, именуемых естественным правом и международным правом.

3. *Моральную виновность*. За действия, которые я всегда совершаю как данное отдельное лицо, я несу моральную ответственность, причем за все свои действия, в том числе и за политические и военные действия, совершенные мной. Нельзя просто сослаться на то, что «приказ есть приказ». Поскольку преступления остаются преступлениями и тогда, когда они совершены по приказу (хотя в зависимости от степени опасности, принуждения и террора возможны смягчающие обстоятельства), каждое действие подлежит и моральной оценке. *Инстанцией* являются *собственная совесть*, а также общение с другом и близким, любящим человеком, которому не безразлична моя душа.

4. *Метафизическую виновность*. Есть такая солидарность между людьми как таковыми, которая делает каждого тоже ответственным за всякое зло, за всякую несправедливость в мире, особенно за преступления, совершаемые в его присутствии или с его ведома. Если я не делаю, что могу, чтобы предотвратить их, я тоже виновен. Если я не рискнул своей жизнью, чтобы предотвратить убийство других, но при этом присутствовал, я чувствую себя виноватым таким образом, что никакие юридические, политические и моральные объяснения тут не подходят. То, что я продолжаю жить, когда такое случилось, ложится

НЕЛЬЗЯ ПРОСТО СОСЛАТЬСЯ
НА ТО, ЧТО «ПРИКАЗ ЕСТЬ
ПРИКАЗ». ПОСКОЛЬКУ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ОСТАЮТСЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ
И ТОГДА, КОГДА ОНИ
СОВЕРШЕНЫ ПО ПРИКАЗУ
(ХОТЯ В ЗАВИСИМОСТИ
ОТ СТЕПЕНИ ОПАСНОСТИ,
ПРИНУЖДЕНИЯ И ТЕРРОРА
ВОЗМОЖНЫ СМЯГЧАЮЩИЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА), КАЖДОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПОДЛЕЖИТ
И МОРАЛЬНОЙ ОЦЕНКЕ.

на меня неизгладимой виной. Если счастливая судьба не избавляет нас от этой ситуации, мы, как люди, подходим к рубежу, где надо выбрать: либо бесцельно, ибо видов на успех нет, безоговорочно отдать жизнь, либо ввиду невозможности успеха остаться жить. То, что где-то среди людей действует обязательная потребность жить либо вместе, либо вовсе не жить, если над кем-то чинят зло или идет дележ физических средств к жизни, это как раз и составляет человеческую сущность. Но ничего этого ни в общечеловеческой, ни в общегражданской солидарности, ни даже в солидарности каких-то маленьких групп нет, это ограничивается самыми тесными человеческими связями, и вот в этом-то и состоит всеобщая наша виновность. *Инстанция* — один лишь Бог...

Это разграничение четырех понятий виновности проясняет смысл упреков. Так, например, политическая виновность хоть и означает ответственность всех граждан данного государства за последствия его действий, но не означает уголовной и моральной виновности каждого отдельного гражданина в преступлениях, совершенных именем этого государства. Относительно преступлений — судить судье, относительно политической ответственности — победителю; относительно моральной виновности можно поистине только в боре-

ЕСЛИ Я НЕ РИСКНУЛ
СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ, ЧТОБЫ
ПРЕДОТВРАТИТЬ УБИЙСТВО
ДРУГИХ, НО ПРИ ЭТОМ
ПРИСУТСТВОВАЛ,
Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ
ВИНОВАТЫМ ТАКИМ
ОБРАЗОМ, ЧТО НИКАКИЕ
ЮРИДИЧЕСКИЕ,
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И МОРАЛЬНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ
ТУТ НЕ ПОДХОДЯТ.
ТО, ЧТО Я ПРОДОЛЖАЮ
ЖИТЬ, КОГДА ТАКОЕ
СЛУЧИЛОСЬ, ЛОЖИТСЯ
НА МЕНЯ НЕИЗГЛАДИМОЙ
ВИНОЙ.

нии любви говорить солидарным между собой людям. Относительно метафизической виновности возможно, пожалуй, откровение в конкретной ситуации, в поэтическом или философском произведении, но о ней вряд ли можно что-либо сообщить лично от себя. Она глубже всего осознана теми людьми, которые однажды испытали вышеназванную обязательную потребность, но сплеховали как раз потому, что эта потребность не распространяется у них на всех людей. Остается стыд от чего-то всегда присутствующего, не имеющего конкретного обозначения и определяемого разве лишь в самых общих чертах.

Разграничения между понятиями виновности уберегут нас от пошлого разглагольствования о вине, при котором всё без градаций сводится к одной-единственной плоскости, чтобы решить дело с кондачка, как то свойственно плохим судьям. Но эти разграничения в конце концов доведут нас до такого истока, о котором прямо-таки невозможно говорить как о нашей вине.

Вот почему все такие разграничения становятся ошибкой, если упустить из виду, что и разграниченное очень тесно связано между собой. Каждое понятие виновности обнаруживает реальности, имеющие последствия для сфер других понятий виновности.

Если бы мы могли освободиться от той метафизической вины, мы были бы ангелами, а все три остальных понятия виновности стали бы беспредметны.

Моральные оплошности — это почва для условий, при которых как раз и вырастают политическая вина и преступление. Бесчисленные мелкие небрежности, приспособленчество, дешевые оправдания несправедливости, незаметное потворствование несправедливости, участие в создании общественной атмосферы, распространяющей неясность и тем самым делающей возможным зло, — все это имеет последствия, которые тоже создают предпосылки для политической вины за обстановку и события.

К области моральной относится также неясность насчет значения власти в совместной жизни людей. Замалчивание этого важнейшего обстоятельства — такая же вина, как ложная абсолютизация власти, делающая из нее единственный определяющий фактор событий. Это рок каждого человека — быть впутанным в уклад власти, благодаря которому он живет. Это неизбежная вина всех, вина человеческого бытия. Ей противодействуют, беря сторону той власти, которая осуществляет право, права человека. Неучастие в формировании уклада власти, в борьбе за власть в смысле служения праву есть главная политическая вина,

являющаяся в то же самое время и виной моральной. Политическая вина становится моральной виной, когда властью уничтожается смысл власти — осуществление права, этическая чистота собственного народа.

Из морального образа жизни большинства отдельных людей, широких кругов народа в повседневном поведении складывается всегда определенное политическое поведение, а тем самым и политическая обстановка. Но отдельный человек живет опять-таки в исторически уже сложившейся политической обстановке, которая была создана этикой и политикой предков и стала возможна благодаря данному положению в мире. Тут есть две схематически противоположные возможности.

Этика политики — это принцип государственной жизни, в которой все участвуют своим сознанием, своими знаниями, своими мнениями и желаниями. Это жизнь политической свободы как постоянное движение упадка и налаживания. Эта жизнь достижима благодаря тому, что перед каждым стоит задача и каждому предоставляется возможность разделять ответственность.

Или же царит такое положение, когда большинство чуждо политики. Государственная власть не ощущается как свое дело. Не чувствуешь за собой ответственности, наблюдаешь за политикой сложа руки, работаешь

и действуешь в слепом послушании. У тебя чистая совесть и от послушания, и от непричастности к решениям и действиям власть имущих. Человек терпит политическую реальность как нечто чуждое, он старается перехитрить ее ради своих личных выгод или живет в слепом восторге самопожертвования.

Вот в чем разница между политической свободой и политической диктатурой. Но определенным людям обычно не надо решать, какое положение будет царить. Отдельный человек рождается в уже сложившемся мире по воле счастья или по воле рока; он должен унаследовать то, что осталось от прошлого и существует реально. Никто в отдельности и никакая группа не может одним махом изменить это условие, благодаря которому мы и вправду все живы.

НЕУЧАСТИЕ
В ФОРМИРОВАНИИ
УКЛАДА ВЛАСТИ, В БОРЬБЕ
ЗА ВЛАСТЬ В СМЫСЛЕ
СЛУЖЕНИЯ ПРАВУ ЕСТЬ
ГЛАВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ВИНА, ЯВЛЯЮЩАЯСЯ
В ТО ЖЕ САМОЕ ВРЕМЯ
И ВИНОЙ МОРАЛЬНОЙ.

2. Последствия виновности

Виновность имеет внешние последствия для жизни, понимает ли это тот, кого они касаются, или нет, а внутренние последствия, для самосознания, она имеет, если человек видит свою вину.

а) Преступление находит *наказание*. Для этого нужно лишь признание виновности со стороны судьи в его свободном волеизъявлении, а не признание наказанного, что его наказывают по праву.

б) При политической виновности существует *ответственность* и, как ее следствие, возмещение ущерба, а затем потеря или ограничение политической власти и политических прав. Если политическая виновность связана с событиями, которые решаются войной, то последствиями для побежденных могут быть уничтожение, депортация, истребление. Победитель также может придать этим следствиям форму права, а значит, и меры, если захочет.

в) Из моральной виновности рождается осознание, а тем самым *раскаяние* и обновление. Это внутренний прогресс, который имеет потом и реальные последствия в мире.

г) Метафизическая виновность имеет последствием *изменение человеческого само-*

сознания перед Богом. Гордость оказывается сломлена. Это самоизменение через внутреннюю работу может привести к новому началу активной жизни, но связано с неизгладимым сознанием виновности, со смирением перед Богом, которое погружает всякую деятельность в такую атмосферу, где гордыни не может быть.

ИЗ МОРАЛЬНОЙ
ВИНОВНОСТИ РОЖДАЕТСЯ
ОСОЗНАНИЕ, А ТЕМ САМЫМ
РАСКАЯНИЕ И ОБНОВЛЕНИЕ.
ЭТО ВНУТРЕННИЙ ПРОГРЕСС,
КОТОРЫЙ ИМЕЕТ ПОТОМ
И РЕАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
В МИРЕ.

3. Сила. Право. Милость

Что люди, если они не могут договориться, решают дело силой и что всякий государственный уклад есть обуздание этой силы, но таким образом, что сила остается монополией государства (на установление права внутри страны и на ведение войны с внешними врагами), — это в спокойные времена почти забывалось.

Когда с войной наступает господство силы, право кончается. Мы, европейцы, пытались и в этих условиях поддержать остаток правопорядка нормами международного права, которые действуют во время войны и были последний раз закреплены в Гаагской и Женевской конвенциях. Кажется, из этого ничего не вышло.

Где применяется сила, там порождается сила. Победитель решает, что будет с побежденным. Действует принцип *vae victis**. У побежденного один выбор: либо умереть, либо делать и терпеть то, чего хочет победитель. Побежденный предпочитает остаться в живых.

Право — это высокая идея людей, строящих свое существование на некоем начале, которое

---

* Горе побежденным (лат.).

гарантируется, впрочем, только силой. Когда люди сознают, что они люди, и признают человека человеком, они осмысливают права человека и опираются на естественное право, апеллировать к которому может каждый — и победитель, и побежденный.

Как только возникает идея права, можно вести переговоры, чтобы путем дискуссий и методического продвижения найти истинное право.

То, что в случае полной победы признается справедливым в отношениях между победителями и побежденными и для побежденных, — это и поныне весьма ограниченная область внутри событий, которые решаются политическими волевыми актами. Последние становятся основой позитивного, фактического права и сами уже не оправдываются ссылками на право.

Право может относиться только к виновности в смысле преступления и в смысле политической ответственности, но не к виновности моральной и метафизической.

Но признать право может и тот, кто является наказанной или ответственной стороной. Преступник может принять наказание как честь и реабилитацию. Политически ответственный может признать это перстом судьбы и принять как условие своего дальнейшего существования.

◆

ПРИЗНАТЬ ПРАВО
МОЖЕТ И ТОТ, КТО ЯВЛЯЕТСЯ
НАКАЗАННОЙ
ИЛИ ОТВЕТСТВЕННОЙ
СТОРОНОЙ. ПРЕСТУПНИК
МОЖЕТ ПРИНЯТЬ
НАКАЗАНИЕ КАК ЧЕСТЬ
И РЕАБИЛИТАЦИЮ.

◆

Милость — это акт, ограничивающий действие чистого права и уничтожающей силы. Человечность чувствует более высокую правду, чем та, которая заключена в прямолинейной последовательности как права, так и силы.

а) Несмотря на право, действует милосердие, чтобы дать место свободной от закона справедливости. Ибо всякое человеческое установление полно в своем действии недостатков и несправедливости.

б) Несмотря на возможность применения силы, победитель проявляет милость либо из целесообразности, потому что побежденные могут служить ему, либо из великодушия, потому что, сохраняя жизнь побежденным, он сильнее чувствует собственную власть и важность или потому что в своем сознании он подчиняется требованиям общечеловеческого, естественного права, которое у побежденного, как и у преступника, не отнимает всех прав.

4. Кто судит и о ком или о чем судят?

Под градом обвинений возникает вопрос: кто кого? Обвинение основательно только тогда, когда оно определено своей точкой зрения и своим предметом и когда оно ограничено ими; обвинение ясно только тогда, когда знаешь, кто обвинитель и кто обвиняемый.

а) Расчленим смысл этого, исходя сперва из четырех видов виновности. Обвиняемый слышит *упреки извне*, идущие из мира, или *изнутри*, идущие от собственной души.

Извне они основательны, только если касаются преступлений и виновности политической. Они произносятся с желанием добиться наказания и возложить ответственность. Они имеют юридический и политический вес, не моральный и не метафизический.

Изнутри обвиняемый слышит упреки, касающиеся его моральной несостоятельности и его метафизической шаткости, а поскольку в этом заключено и начало политического действия или бездействия, они касаются и таковых.

Морально можно возлагать вину только на самого себя, не на другого, на другого разве что при солидарности борения в любви. Никто не может судить другого с точки зрения морали, разве только он судит его во внутрен-

нем единении с ним, словно это он сам. Только там, где другой для меня как я сам, есть близость, которая в свободном общении может сделать общим делом то, что в конечном счете каждый делает в одиночестве.

Утверждать виновность другого — это значит касаться не убеждений, а только определенных поступков и определенного поведения. При индивидуальной оценке стараются, конечно, учесть убеждения и мотивы, но сделать это правдиво удастся лишь в той мере, в какой эти убеждения и мотивы можно определить по объективным признакам, то есть опять-таки по поступкам и поведению.

б) Вопрос в том, в каком смысле можно судить *коллектив*, а в каком — *только отдельное лицо*. Несомненно, есть основание возлагать на всех граждан данного государства ответственность за последствия действий этого государства. Здесь ответственен коллектив. Но эта ответственность определена и ограничена, в ней нет морального и метафизического обвинения отдельных лиц. Она касается и тех граждан, которые выступали против режима и вменяемых ему в вину действий. Аналогичным образом существует ответственность за принадлежность к каким-то организациям, партиям, группам.

За каждое преступление всегда можно наказать только отдельного человека, действо-

вал ли он в одиночку или у него был ряд сообщников, каждого из которых можно призвать к ответу в зависимости от участия, а как минимум в силу самой принадлежности к данному обществу. Существуют бандитские группировки, заговоры, которые могут быть определены как преступные в целом. Тогда сама принадлежность к ним наказуема.

Но абсурдно обвинять в преступлении какой-либо народ в целом. Преступник всегда только одно лицо.

Абсурдно также морально обвинять какой-либо народ в целом. Не существует такого характера народа, чтобы каждое определенное лицо, принадлежащее к данному народу, обладало этим характером. Есть, конечно, общности языка, обычаев и привычек, происхождения. Но внутри этого одновременно возможны такие резкие различия, что люди, говорящие на одном и том же языке, могут оставаться настолько чуждыми друг другу, словно они вовсе не принадлежат к одному и тому же народу.

Морально можно судить только отдельное лицо, но не коллектив. Мышление, которое рассматривает, характеризует и судит людей коллективами, необычайно распространено. Такие характеристики — например, немцев, русских, англичан — улавливают не родовые понятия, под которые можно подвести

АБСУРДНО ОБВИНЯТЬ
В ПРЕСТУПЛЕНИИ
КАКОЙ-ЛИБО НАРОД
В ЦЕЛОМ. ПРЕСТУПНИК
ВСЕГДА ТОЛЬКО ОДНО ЛИЦО.

АБСУРДНО ТАКЖЕ
МОРАЛЬНО ОБВИНЯТЬ
КАКОЙ-ЛИБО НАРОД
В ЦЕЛОМ. НЕ СУЩЕСТВУЕТ
ТАКОГО ХАРАКТЕРА
НАРОДА, ЧТОБЫ КАЖДОЕ
ОПРЕДЕЛЕННОЕ ЛИЦО,
ПРИНАДЛЕЖАЩЕЕ
К ДАННОМУ НАРОДУ,
ОБЛАДАЛО ЭТИМ
ХАРАКТЕРОМ.

отдельных людей, а типовые, которым они больше или меньше соответствуют. Смешение родового подхода с типологическим есть признак мышления категориями коллектива: эти немцы, эти англичане, эти норвежцы, эти евреи — и сколько угодно дальше: фрисландцы, баварцы — или: мужчины, женщины, молодежь, старичье. Если при типологическом подходе что-то и улавливается, то отсюда не следует, что через призму такой общей характеристики можно разглядеть любой индивидуум. Это мышление тянется через века как средство взаимной ненависти народов и групп людей. Это мышление, увы, естественное и само собой разумеющееся для большинства, самым скверным образом использовали национал-социалисты, вдолбив его в головы своей пропагандой. Казалось, будто уже нет людей, а есть только такие коллективы.

Народа как целого не существует. Все разграничения, которые мы делаем, чтобы определить его, перечеркиваются фактами. Язык, гражданство, культура, общность судьбы — все это не совпадает, а пересекается. Народ и государство не совпадают, как не совпадают язык, общность судьбы, культура.

Народ нельзя превратить в индивидуум. Народ не может ни героически погибнуть, ни быть преступником, ни поступить нравственно или безнравственно, это могут всегда

СМЕШЕНИЕ
РОДОВОГО ПОДХОДА
С ТИПОЛОГИЧЕСКИМ
ЕСТЬ ПРИЗНАК МЫШЛЕНИЯ
КАТЕГОРИЯМИ КОЛЛЕКТИВА:

ЭТИ НЕМЦЫ,

ЭТИ АНГЛИЧАНЕ,

ЭТИ НОРВЕЖЦЫ,

ЭТИ ЕВРЕИ —

И СКОЛЬКО УГОДНО ДАЛЬШЕ:

ФРИСЛАНДЦЫ, БАВАРЦЫ —

ИЛИ: МУЖЧИНЫ, ЖЕНЩИНЫ,

МОЛОДЕЖЬ, СТАРИЧЬЕ.

только отдельные его представители. Народ в целом не может быть виновен или невиновен ни в уголовном, ни в политическом (тут отвечают лишь граждане государства), ни в моральном смысле.

Категориальное суждение о народе — это всегда несправедливость; оно предполагает ложную субстанциализацию, оно оскорбляет достоинство человека как индивидуальности.

Мировое мнение, возлагающее на народ коллективную вину, — это факт такого же рода, как то, что тысячи лет думали и говорили: евреи виноваты в том, что Иисус был распят. Кто эти евреи? Определенная группа политических и религиозных радетелей, имевших тогда над евреями какую-то власть, которая в сотрудничестве с римскими оккупантами привела к казни Иисуса.

Могущество такого, становящегося чем-то само собой разумеющимся мнения столь поразительно потому, что это заблуждение так просто и явно. Стоишь как перед стеной, словно никаких доводов, никаких фактов не слышат, а если слышат, то сразу же забывают опять, не приняв во внимание.

Не может, следовательно, существовать (кроме политической ответственности) коллективной виновности народа или группы внутри народов — ни как уголовной, ни как моральной, ни как метафизической виновности.

в) Для обвинения и упрека нужно право. *У кого есть право судить?* Перед каждым, кто судит, можно поставить вопрос, какие у него полномочия, с какой целью и по какому мотиву он судит, в каком положении стоят друг против друга он и судимый.

Никто не должен признавать никакого мирского суда, когда речь идет о моральной и метафизической виновности. То, что возможно перед любящими людьми при большой близости, непозволительно при дистанции холодного анализа. То, что обладает весом перед Богом, не обладает поэтому весом и перед людьми. Ибо у Бога нет на земле представляющей его инстанции ни в церковных, ни во внешнеполитических ведомствах государств, ни в возвещаемом через прессу мировом общественном мнении.

Когда судят в послевоенной обстановке, то абсолютной привилегией на суждение о политической ответственности обладает победитель: он ставил на карту свою жизнь, и решение выпало в его пользу. Но спрашивают: «Смеет ли вообще кто-то нейтральный выступить официальным судьей, коль скоро он не участвовал в борьбе и не рисковал жизнью ради главного дела?» (Из письма.)

Когда товарищи по судьбе, сегодня это немцы, говорят между собой о моральной и метафизической виновности применительно

◆

НЕ МОЖЕТ,
СЛЕДОВАТЕЛЬНО,
СУЩЕСТВОВАТЬ
(КРОМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ)
КОЛЛЕКТИВНОЙ
ВИНОВНОСТИ НАРОДА
ИЛИ ГРУППЫ ВНУТРИ
НАРОДОВ —
НИ КАК УГОЛОВНОЙ,
НИ КАК МОРАЛЬНОЙ,
НИ КАК МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ
ВИНОВНОСТИ.

◆

к отдельному лицу, то право судить ощущается в том, как держится и как настроен судящий: говорит ли он о вине, которую несет или не несет сам, говорит ли он, стало быть, изнутри или извне, как саморазоблачитель или как обвинитель, то есть как близкий союзник, дающий ориентир для возможного саморазоблачения других, или как чужой, который только нападает, говорит ли он как друг или как враг. Лишь в первом случае право его несомненно, во втором оно сомнительно и, уж конечно, ограничено мерой его любви.

Когда же говорят о политической ответственности и уголовной виновности, то у каждого из сограждан есть право разбирать факты и обсуждать их оценку на основании ясных, определенных понятий. Политическая ответственность имеет разные ступени в зависимости от степени участия в принципиально отвергаемом ныне режиме и определяется решениями победителей, которым каждый, пожелавший уцелеть в катастрофе, должен в силу того, что он жив, подчиняться.

5. Защита

Где предъявляется обвинение, там обвиняемый смеет претендовать на то, чтобы его выслушали. Где апеллируют к праву, там существует защита. Где применяется сила, там насилуемый обороняется, если может.

Если окончательно побежденный не может обороняться, ему — поскольку он хочет остаться в живых — ничего не остается, как признать, взять на себя и терпеть все последствия.

Когда же победитель что-то обосновывает, обсуждает, ответить может не сила, а только обессиленный дух, коль скоро такая возможность предоставляется. Защита возможна там, где человеку разрешается говорить. Победитель ограничивает свою власть, как только перенесет свои действия в плоскость права. У этой защиты есть следующие возможности.

1. *Она может настаивать на разграничении.* Разграничение приводит к определению и частично снимает вину. Разграничение уничтожает тоталитарность, упрек становится ограниченным.

Смещение ведет к неясности, а неясность опять-таки чревата последствиями полезного ли, вредного ли, во всяком случае, несправед-

ливого характера. Защита через разграничение способствует справедливости.

2. Защита может *приводить, подчеркивать и сравнивать факты.*

3. Защита может *апеллировать к естественному праву, к правам человека, к международному праву.* Такая защита имеет ограничения:

а) Государство, принципиально нарушившее естественное право и права человека сначала в собственной стране, а затем во время войны уничтожившее права человека и международное право в других странах, не может притязать на признание в своих интересах того, чего оно само не признавало.

б) Правом действительно обладаешь тогда, когда одновременно обладаешь и силой, чтобы бороться за свое право. При полном бессилии есть только возможность духовно взывать к идеальному праву.

в) Если естественное право и права человека признаются, то только волевым актом тех, кто обладает силой, — победителей. Это акт, основанный на их взгляде на вещи и на их идеале, — милость к побежденным в форме признания за ними какого-то права.

4. Защита может выявить, где обвинение не заботится об истине, а *используется как оружие* для других, например политических

◆

ГОСУДАРСТВО,
ПРИНЦИПИАЛЬНО
НАРУШИВШЕЕ ЕСТЕСТВЕННОЕ
ПРАВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
СНАЧАЛА В СОБСТВЕННОЙ
СТРАНЕ, А ЗАТЕМ ВО ВРЕМЯ
ВОЙНЫ УНИЧТОЖИВШЕЕ
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
И МЕЖДУНАРОДНОЕ
ПРАВО В ДРУГИХ СТРАНАХ,
НЕ МОЖЕТ ПРИТЯЗАТЬ
НА ПРИЗНАНИЕ
В СВОИХ ИНТЕРЕСАХ
ТОГО, ЧЕГО ОНО САМО
НЕ ПРИЗНАВАЛО.

◆

или экономических, целей, где оно смешивает понятия виновности и создает ложное мнение, чтобы снискать одобрение и в то же время очистить совесть для собственных действий. Эти последние объявляются правовыми и перестают быть ясными акциями победителя в положении *vae victis*. Зло, однако, остается злом, даже когда его творят как возмездие.

Моральные и метафизические упреки как средство для достижения политических целей должны быть просто отвергнуты.

5. Защита путем *отвода судьи* — либо потому, что есть основания объявить его пристрастным, либо потому, что дело по своему характеру человеку вообще неподсудно.

Признать надо наказание и ответственность — возмещение ущерба, но не требование раскаяния и возрождения, которые могут прийти лишь изнутри. Защищаться от таких требований остается только молчанием. Не надо заблуждаться насчет действительной необходимости этого внутреннего поворота, когда его ошибочно требуют извне, как повинности.

Это разные вещи — сознание виновности и признание за какой-либо инстанцией в мире роли судьи. Победитель как таковой еще не судья. Либо он сам меняет позицию борьбы и действительно приобретает право

вместо чистой силы, ограничиваясь уголовной виновностью и политической ответственностью, либо ложно присваивает себе право на действия, которые сами заключают в себе опять-таки новую вину.

б. Защита пользуется *встречным обвинением*. Путем указания на такие действия другой стороны, которые тоже были одной из причин беды; путем указания на сходные действия другой стороны, которые у побежденного считаются преступными и таковыми в самом деле являются; путем указания на обстановку в мире вообще, которая означает общую виновность.

Б. НЕМЕЦКИЕ ВОПРОСЫ

Вопрос о виновности приобрел такой вес из-за обвинения, предъявленного победителями и всем миром нам, немцам. Когда летом 1945 года в городах и деревнях были вывешены плакаты с фотографиями и сообщениями из Бельзена и с решающей фразой «Это ваша вина!», совесть заговорила, ужас охватил многих, которые действительно ничего не знали, и тогда кое-кто возмутился: «Кто это меня обвиняет?» Никакой подписи, никакого органа власти, плакат возник словно из пустоты. Это общечеловеческое свойство: обвиняемый, независимо от того, обвиняют ли его справедливо, старается защитить себя.

В политических конфликтах вопрос о виновности — старый вопрос. Он играл большую роль, например, в спорах между Наполеоном и Англией, между Пруссией и Австрией. Впервые, может быть, римляне пользовались в политических целях притязанием на собственную моральную правоту и моральным осуждением противника. Обратный пример: беспристрастность объективных греков, с одной стороны, и самообвинение древних евреев перед Богом — с другой.

То, что обвинение со стороны победителей стало нечистым по своим мотивам средством политики, — это само уже есть вина, проходящая через историю. После Первой мировой войны виновность в войне была вопросом,

◆

КОГДА ЛЕТОМ 1945 ГОДА
В ГОРОДАХ И ДЕРЕВНЯХ
БЫЛИ ВЫВЕШЕНЫ ПЛАКАТЫ
С ФОТОГРАФИЯМИ
И СООБЩЕНИЯМИ
ИЗ БЕЛЬЗЕНА И С
РЕШАЮЩЕЙ ФРАЗОЙ «ЭТО
ВАША ВИНА!», СОВЕСТЬ
ЗАГОВОРИЛА, УЖАС
ОХВАТИЛ МНОГИХ, КОТОРЫЕ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НИЧЕГО
НЕ ЗНАЛИ, И ТОГДА КОЕ-КТО
ВОЗМУТИЛСЯ: «КТО ЭТО
МЕНЯ ОБВИНЯЕТ?»

◆

который в Версальском договоре решился не в пользу Германии. Позднее историки всех стран не держались за чью-то одностороннюю единоличную виновность в войне. Тогда в войну «скатились» со всех сторон, как сказал Ллойд Джордж.

Сегодня дело обстоит совсем не так, как тогда. Вопрос виновности звучит совершенно иначе, чем прежде. Вопрос о виновности в войне на этот раз ясен. Война была развязана гитлеровской Германией. Германия виновата в войне из-за своего режима, который начал войну в выбранный им момент, когда все другие этого не хотели.

«Это ваша вина» значит, однако, сегодня гораздо больше, чем виновность в войне. Тот плакат уже забыт. Но то, что тогда узнали о нас, осталось: во-первых, реальность мирового общественного мнения, которое осуждает нас как народ в целом, во-вторых, собственное смущение.

Мировое общественное мнение нам важно. Это люди думают о нас так, и нам это не может быть безразлично. Вина становится затем средством политики. Поскольку мы считаемся виноватыми, мы — таково общее мнение — заслужили все беды, которые на нас свалились и еще свалятся. В этом заключено оправдание для политиков, которые расчлняют Германию, ограничивают возможности ее восстановления,

оставляют ее без мира в состоянии между жизнью и смертью. Это вопрос политический, который не нам решать и в решение которого мы вряд ли можем — даже своим безупречным поведением — внести что-либо существенное. Это вопрос, разумно ли политически, целесообразно ли, безопасно ли, справедливо ли превращать целый народ в народ-парию, ставить его ниже других народов, продолжать унижать его, после того как он сам унижил себя. Этого вопроса мы здесь касаться не будем, как и политического вопроса: необходимо ли и целесообразно ли, и в каком смысле выступать с признанием своей вины. Возможно, что вердикт, вынесенный немецкому народу, останется в силе. Это имело бы для нас самые чудовищные последствия. Мы еще надеемся, что решение политиков и мнение народов будут когда-нибудь пересмотрены. Но наше дело — не обвинять, а терпеть. К этому вынуждает нас наше полное бессилие, в которое поверг нас национал-социализм, бессилие, из которого в нынешней технически обусловленной мировой ситуации выхода нет.

Но для нас гораздо важнее, как мы увидим себя извне, оценим и очистим. Те обвинения извне — уже не наше дело. Обвинения же изнутри, более или менее ясно хотя бы изредка звучащие в немецких душах вот уже двенадцать лет, — это, напротив, источник нашего

ВИНА СТАНОВИТСЯ
ЗАТЕМ СРЕДСТВОМ
ПОЛИТИКИ. ПОСКОЛЬКУ
МЫ СЧИТАЕМСЯ
ВИНОВАТЫМИ,
МЫ — ТАКОВО ОБЩЕЕ
МНЕНИЕ — ЗАСЛУЖИЛИ
ВСЕ БЕДЫ, КОТОРЫЕ
НА НАС СВАЛИЛИСЬ
И ЕЩЕ СВАЛЯТСЯ. В ЭТОМ
ЗАКЛЮЧЕНО ОПРАВДАНИЕ
ДЛЯ ПОЛИТИКОВ,
КОТОРЫЕ РАСЧЛЕНЯЮТ
ГЕРМАНИЮ, ОГРАНИЧИВАЮТ
ВОЗМОЖНОСТИ
ЕЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ,
ОСТАВЛЯЮТ ЕЕ БЕЗ МИРА
В СОСТОЯНИИ МЕЖДУ
ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ.

еще возможного самоуважения, зависящего от того, как мы сами, стары ли мы или молоды, изменимся от идущих изнутри обвинений. Мы должны разобрать вопрос о немецкой вине. Это касается нас самих. Это делается независимо от упреков, которыми нас осыпают извне, хотя мы и можем пользоваться ими как зеркалом.

Та фраза: «Это ваша вина» — может означать:

Вы отвечаете за преступления режима, который вы терпели, — тут речь идет о нашей политической вине.

Ваша вина в том, что вы еще и поддерживали этот режим, участвовали в нем, — тут наша моральная вина.

Ваша вина в том, что вы бездействовали, когда рядом творились преступления, — тут намечается метафизическая вина.

Эти три фразы я считаю верными, хотя только первая, о политической ответственности, может быть сказана без обиняков и правильна полностью, тогда как вторая и третья, о моральной и метафизической вине, становятся в юридической форме, как равнодушное заявление, неверными.

Далее «Это ваша вина» может означать:

Вы участвовали в тех преступлениях, а потому преступники сами — для подавляющего большинства немцев это явно неверно.

Наконец, это может означать:

Вы как народ неполноценны, бесчестны, преступны, вы изверги рода человеческого, вы не такие, как другие народы, — это мышление и суждение в категориях коллектива, оно подчиняет каждый индивидуум этой общности и потому в корне неверно и бесчеловечно само.

После этих кратких предварений рассмотрим все подробнее.

ТА ФРАЗА:
«ЭТО ВАША ВИНА» —
МОЖЕТ ОЗНАЧАТЬ:

ВЫ ОТВЕЧАЕТЕ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ РЕЖИМА,
КОТОРЫЙ ВЫ ТЕРПЕЛИ, —
ТУТ РЕЧЬ ИДЕТ О НАШЕЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВИНЕ.

ВАША ВИНА В ТОМ, ЧТО
ВЫ ЕЩЕ И ПОДДЕРЖИВАЛИ
ЭТОТ РЕЖИМ, УЧАСТВОВАЛИ
В НЕМ, — ТУТ НАША
МОРАЛЬНАЯ ВИНА.

ВАША ВИНА В ТОМ, ЧТО
ВЫ БЕЗДЕЙСТВОВАЛИ,
КОГДА РЯДОМ ТВОРИЛИСЬ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, —
ТУТ НАМЕЧАЕТСЯ
МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВИНА.

I. Расчленение немецкой виновности

1. Преступления

В отличие от Первой мировой войны, после которой нам не надо было признавать за собой специфических, совершенных только одной стороной преступлений (с чем согласна историография и противников Германии), сегодня очевидны преступления нацистского правительства, совершенные им перед войной в Германии, а во время войны — повсюду.

В отличие от Первой мировой войны, после которой ответ историков всех народов на вопрос о виновности в войне не звучал в пользу какой-то одной стороны, эта война начата была Германией.

В отличие от Первой мировой войны эта война в конце концов действительно стала мировой войной. Она застала мир в другой ситуации и с другим знанием. Ее смысл вступил в другое, по сравнению с другими войнами, измерение.

И сегодня мы видим нечто совершенно новое в мировой истории. Победители учреждают суд. *Нюрнбергский процесс* касается преступлений.

Это сразу проводит ясную границу в двух направлениях:

1. Не немецкий народ здесь под судом, а отдельные, обвиненные в преступлениях немцы — но, в принципе, все вожди немецкого режима. Эту границу американский представитель обвинения провел с самого начала. В своей основополагающей речи Джексон сказал: «Мы хотим ясно заявить, что не намерены обвинять весь немецкий народ».

2. Подозреваемые обвиняются не в целом, а из-за определенных преступлений. Эти преступления ясно определены в уставе Международного военного трибунала:

1. *Преступления против мира: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны, нарушающей международные договоры...*
2. *Военные преступления: нарушения правил войны, будь то убийства, жестокости, депортации на принудительные работы применительно к представителям гражданского населения оккупированных территорий, убийство или жестокое обращение с военнопленными, разграбление общественной или частной собственности, умышленное разрушение городов или деревень или любое не оправданное военной необходимостью опустошение.*

3. *Преступления против человечности: убийство, истребление, порабощение, депортация какого-либо гражданского населения, преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам при совершении преступления, подсудного трибуналу.*

Дальше определяется круг ответственности. Руководители, организации, зачинщики и лица, участвовавшие в составлении или выполнении совместного плана или сговора для совершения одного из вышеназванных преступлений, ответственны за все действия, совершенные каким-либо лицом при исполнении такого плана.

Обвинение направлено поэтому не только против отдельных лиц, но и против организаций, которые как таковые должны считаться преступными: имперский кабинет, корпус политических руководителей Национал-социалистической немецкой рабочей партии, СС, СД, гестапо, СА, генеральный штаб, верховное командование германских вооруженных сил.

Мы, немцы, на этом процессе слушатели. Не мы его добились, не мы его ведем, хотя обвиняемые — люди, ввергшие нас в беду. «У немцев, право же, не меньше счетов с обвиняемыми, чем у остального мира», — говорит Джексон.

Иные немцы чувствуют себя обиженными этим процессом. Такое чувство понятно. Оно основано на том же, на чем, с другой стороны, основано обвинение всего немецкого населения в преступлениях гитлеровского режима. Каждый гражданин отвечает за дела и страдания своего государства и участвует в них. Преступное государство — обуза для всего народа. Поэтому в том, как поступают с руководителями государства, даже если они преступники, гражданин этого государства чувствует и отношение к себе. В них и с ними осуждается данный народ. Поэтому оскорбления и унижения, выпадающие на долю руководителей государства, воспринимаются народом как оскорбление и унижение его самого. И отсюда инстинктивное, поначалу еще неосознанное неприятие этого процесса.

На самом же деле мы должны здесь проникнуться мучительным сознанием политической ответственности. Мы должны испытать чувство унижения, поскольку этого требует политическая ответственность. Через это мы поймем свое полное политическое бессилие и то, что мы не являемся политическим фактором.

Но все зависит от того, как мы воспримем, истолкуем, освоим и во что превратим свою инстинктивную уязвленность.

◆

КАЖДЫЙ ГРАЖДАНИН
ОТВЕЧАЕТ ЗА ДЕЛА
И СТРАДАНИЯ СВОЕГО
ГОСУДАРСТВА И УЧАСТВУЕТ
В НИХ. ПРЕСТУПНОЕ
ГОСУДАРСТВО — ОБУЗА
ДЛЯ ВСЕГО НАРОДА.
ПОЭТОМУ В ТОМ,
КАК ПОСТУПАЮТ
С РУКОВОДИТЕЛЯМИ
ГОСУДАРСТВА, ДАЖЕ ЕСЛИ
ОНИ ПРЕСТУПНИКИ,
ГРАЖДАНИН ЭТОГО
ГОСУДАРСТВА ЧУВСТВУЕТ
И ОТНОШЕНИЕ К СЕБЕ.
В НИХ И С НИМИ
ОСУЖДАЕТСЯ ДАННЫЙ
НАРОД.

◆

Есть возможность отвергнуть обиду с порога. Тогда выискиваются основания оспорить весь этот процесс, его правомерность, его правдивость, его цель.

1. Выдвигаются общие соображения: войны проходят через всю историю, и войны еще будут. Не народ ведь виноват в войне. Природа человека, его универсальная виновность приводит к войнам. Это поверхностность совести, которая сама себя объявляет невиновной. Это самоуверенность, которая своим нынешним поведением как раз и способствует будущим войнам.

На это надо возразить: на сей раз не подлежит сомнению, что Германия планомерно готовила войну и начала ее без всякой провокации с другой стороны. Дело обстоит совершенно иначе, чем в 1914 году. На Германию возлагают вину не за войну, а за эту войну. А эта война сама — нечто новое, нечто иное в небывалой всемирно-исторической обстановке.

Этот упрек Нюрнбергскому процессу по-другому выражается примерно так: есть что-то неразрешимое в человеческом бытии, снова и снова заставляющее решать силой то, о разрешении чего надо «молить небо». У солдата есть рыцарские чувства, и даже когда он побежден, его можно обидеть, обращаясь с ним не по-рыцарски.

На это надо возразить: Германия совершила множество действий, которые (вне всякой рыцарственности и вопреки международному праву) привели к истреблению групп населения и прочей бесчеловечности. Поведение Гитлера с самого начала было направлено против всякой возможности примирения. Возможны были только победа или гибель. Теперь налицо последствия гибели. Всякое требование рыцарственности — даже когда множество отдельных солдат и целых частей невиновны и со своей стороны всегда вели себя по-рыцарски, — всякое требование рыцарственности необоснованно, коль скоро вермахт как организация выполнял преступные приказы Гитлера. Наплевав на рыцарственность и великодушие, нельзя потом притязать на них в собственных интересах. Эта война возникла не из-за безвыходного противоречия между существами одной породы, которые по-рыцарски пошли на бой, а была по своему происхождению и проведению преступным коварством и полной разнузданностью воли к уничтожению.

Даже на войне можно обуздать себя. Положением Канта «на войне нельзя допускать действий, делающих примирение в дальнейшем просто невозможным» — этим положением Канта гитлеровская Германия первой пренебрегла в принципе. Вследствие этого

насилие, одинаковое по сути с первобытных времен, но в своих истребительных возможностях зависящее от техники, ограничений сегодня не знает. Начать войну при нынешней обстановке в мире — вот что чудовищно.

2. Говорят, этот процесс для всех немцев — национальный позор. Будь хотя бы немцы в суде, немца судили бы немцы.

На это надо возразить: национальный позор состоит не в суде, а в том, что к нему привело, в самом факте этого режима и его действий. Сознание национального позора для немца неизбежно. Оно направлено не в ту сторону, если обращено к этому процессу, а не к его истоку.

Далее: если бы победители учредили немецкий суд или ввели немцев в состав суда, от этого бы ничего не изменилось. Они оказались бы в суде не в силу самоосвобождения немцев, а по милости победителя. Процесс — это результат того факта, что не мы освободили себя от преступного режима, а союзники освободили нас от него.

3. Возражают: как можно в сфере политического суверенитета говорить о преступлениях? Если с этим согласиться, то победитель может объявить преступником побежденного, тогда кончается смысл и тайна власти, кото-

◆

ДАЖЕ НА ВОЙНЕ
МОЖНО ОБУЗДАТЬ СЕБЯ.
ПОЛОЖЕНИЕМ КАНТА
«НА ВОЙНЕ НЕЛЬЗЯ
ДОПУСКАТЬ ДЕЙСТВИЙ,
ДЕЛАЮЩИХ ПРИМИРЕНИЕ
В ДАЛЬНЕЙШЕМ ПРОСТО
НЕВОЗМОЖНЫМ» — ЭТИМ
ПОЛОЖЕНИЕМ КАНТА
ГИТЛЕРОВСКАЯ
ГЕРМАНИЯ ПЕРВОЙ
ПРЕНЕБРЕГЛА В ПРИНЦИПЕ.

◆

рая — от Бога. Фигуры, которым повиновался народ, — а такового раньше был кайзер Вильгельм II, сегодня «фюрер», — считаются священными.

На это надо возразить: речь идет о привычке мышления, созданной традицией государственности в Европе, традицией, которая дольше всего держалась в Германии. Но сегодня ореол святости вокруг глав государств исчез. Они люди и отвечают за свои поступки. После того как европейские народы судили и обезглавили своих монархов, перед народами стоит задача: держать под контролем свое руководство. Государственные акты — это в то же время персональные акты. Люди как отдельные лица стоят за ними и держат за них ответ.

4. Юридически выдвигается такой довод: преступления существуют лишь в мерках законов. Нарушение этих законов есть преступление. Преступление должно быть однозначно определено, и его состав должен быть однозначно определен. В особенности: *nulla poena sine lege*, то есть: приговор может быть вынесен только по закону, существовавшему перед совершением преступления. А в Нюрнбергском суде имеют обратную силу законы, установленные теперь победителями.

На это надо возразить: в смысле человечности, прав человека и естественного права,

◆

СЕГОДНЯ ОРЕОЛ СВЯТОСТИ
ВОКРУГ ГЛАВ ГОСУДАРСТВ
ИСЧЕЗ. ОНИ ЛЮДИ
И ОТВЕЧАЮТ ЗА СВОИ
ПОСТУПКИ. ПОСЛЕ ТОГО
КАК ЕВРОПЕЙСКИЕ НАРОДЫ
СУДИЛИ И ОБЕЗГЛАВИЛИ
СВОИХ МОНАРХОВ, ПЕРЕД
НАРОДАМИ СТОИТ ЗАДАЧА:
ДЕРЖАТЬ ПОД КОНТРОЛЕМ
СВОЕ РУКОВОДСТВО.
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ АКТЫ —
ЭТО В ТО ЖЕ ВРЕМЯ
ПЕРСОНАЛЬНЫЕ АКТЫ.
ЛЮДИ КАК ОТДЕЛЬНЫЕ ЛИЦА
СТОЯТ ЗА НИМИ И ДЕРЖАТ
ЗА НИХ ОТВЕТ.

а также в смысле европейских идей свободы и демократии законы, по меркам которых можно определить преступления, уже существуют.

Кроме того, есть договоры, устанавливающие, если они добровольно подписаны обеими сторонами, такое преимущественное право, которое в случае нарушения договора может служить мерилom.

Но где же решающая инстанция? В мирных условиях государственности это суды. После войны это может быть только суд победителя.

5. Отсюда еще один аргумент: власть победителя не есть право. Успех — это не инстанция для права и для истины. Трибунал, который мог бы объективно расследовать и осудить военную вину и военные преступления, невозможен. Такой суд всегда пристрастен. Суд из нейтральных лиц тоже был бы пристрастен, ибо нейтральные лица бессильны и фактически повинуются победителям. Свободно судить мог бы только суд, за которым бы стояла власть, способная и насильственно навязать свое решение обеим тяжущимся сторонам.

Аргумент мнимости этого права продолжает: после каждой войны вину сваливают на побежденного. Его вынуждают признать свою вину. Следующая за войной экономическая эксплуатация маскируется под возмещение ущерба.

Грабеж выдается за юридический акт. Если нет свободного права, то уж лучше откровенное насилие. Это честнее, и это легче вынести. Есть только власть победителя. Сам по себе упрек в преступлении всегда может быть взаимным — дать ход этому упреку может лишь победитель. Он делает это безоглядно, беря мерилom исключительно собственную выгоду. Все прочее — маскировка того, что на самом деле есть насилие и произвол обладающего нужной для этого властью.

Мнимость суда проявляется, наконец, в том, что действия, объявленные преступными, выносятся на суд лишь тогда, когда они совершены побежденным государством. Такие же действия со стороны суверенных или победивших государств обходятся молчанием, не разбираются и подавно не наказуются.

На это надо возразить: власть и сила — действительно решающая реальность в мире человека. Но не единственная. Абсолютизация этой реальности уничтожает всякую надежную связь между людьми. При такой абсолютизации никакой договор не возможен. Как это Гитлер и в самом деле сказал, договоры в силе лишь до тех пор, пока они отвечают собственным интересам. По такому принципу он и действовал. Но этому противостоит воля, которая, несмотря на признание реальности власти и действительности этого нигилистиче-

ского взгляда, считает их чем-то таким, чего быть не должно и что поэтому нужно всеми силами изменить.

Ведь в человеческих делах реальность еще не есть истина. Напротив, этой реальности нужно противопоставить другую реальность. А наличие таковой зависит от воли человека. Каждый должен при всей своей свободе знать, на чем он стоит и чего он хочет.

С этой позиции надо сказать: процесс как новая попытка упорядочить мир не теряет своего смысла, если он еще не в состоянии опереться на какой-то законный мировой порядок, а поневоле увязает сегодня в политике. Он еще не происходит как судебный процесс внутри замкнутого государственного строя.

Поэтому Джексон откровенно сказал, что «если бы защите разрешили отклониться от обвинения, строго ограниченного обвинительным заключением, процесс затянулся бы и суд запутался бы в неразрешимых политических спорах».

Это значит также, что защита должна заниматься не вопросом виновности в войне, захватывающим всякие исторические предпосылки, а только одним вопросом: кто начал эту войну. Кроме того, защита не вправе ссылаться на другие случаи подобных преступлений или обсуждать их: политическая необходимость устанавливает границу дискуссии. Но из этого

не следует, что все становится тем самым неправдой. Напротив, трудности, возражения высказаны откровенно, хотя и коротко.

Нельзя отрицать того основополагающего факта, что главной отправной точкой является успех в борьбе, а не один лишь закон. В большом, как и в малом, справедливо то, что иронически говорилось по поводу, например, воинских проступков: тебя наказывают не из-за закона, а потому, что попался. Но из этой основополагающей ситуации не следует, что после успеха человек не способен в силу своей свободы претворить свою власть в осуществление права. И даже если это происходит не полностью, даже если право возникает лишь в каком-то объеме, то и тогда на пути к упорядочению мира достигается уже многое. Сдерживание как таковое создает пространство раздумья и проверки, пространство ясности, а тем самым и тем решительнее сознание непреходящего значения силы как таковой.

Для нас, немцев, этот процесс имеет то преимущество, что он устанавливает различие между определенными преступлениями руководителей и именно коллективно не осуждает народ.

Но процесс этот значит гораздо больше. Он должен впервые и навсегда объявить войну преступлением и сделать из этого выводы.

То, что началось с пактом Келлога, должно впервые осуществиться. Величие этой попытки не подлежит сомнению, как и добрая воля многих ее участников. Попытка эта может показаться фантастической. Но если нам станет ясно, о чем идет речь, мы будем с трепетом ждать того, что произойдет. Разница лишь в том, предполагаем ли мы с нигилистическим торжеством заранее, что это будет мнимый процесс, или горячо желаем, чтобы он удался.

Все зависит от того, как он будет проходить, каковы будут его содержание, его итог, его мотивировки, насколько цельным останется этот процесс в памяти. Все зависит от того, признает ли мир то, что здесь сделано, правдой и правом, придется ли согласиться с этим и побежденным, увидит ли здесь позднее история справедливость и истину.

Но решается это не только в Нюрнберге. Существенно вот что: станет ли Нюрнбергский процесс звеном в череде осмысленно конструктивных политических действий, даже если таковые еще часто будут перечеркиваться заблуждениями, неразумием, бессердечностью и ненавистью, — или же мерило, которое поставят здесь над человечеством, в конце концов отвергнет и державы, которые сейчас возводят его. Державы, учреждающие Нюрнберг, свидетельствуют тем самым, что, подчиняясь мировому порядку, они в содру-

жестве хотят мирового правительства. Они свидетельствуют, что действительно хотят взять на себя ответственность за человечество как результат их победы, а не только за свои собственные государства. Такое свидетельство не смеет быть лжесвидетельством.

На все возражения против данного процесса надо поэтому ответить: в Нюрнберге речь идет о чем-то действительно новом. Нельзя отрицать, что все, о чем в этих возражениях говорится, представляет собой возможную опасность. Но неверны, во-первых, те альтернативы, которые из-за каких-то недостатков, ошибок, шероховатостей в частности отвергают все вообще, ведь главное — это направление действий, непоколебимое терпение действенной ответственности держав. Противоречия в частности должны быть преодолены действиями, направленными среди смуты к мировому порядку. Неверно, во-вторых, настроение возмущенной агрессивности, которая заранее говорит «нет».

То, что происходит в Нюрнберге, сколько бы это ни вызывало возражений, есть слабое, двусмысленное предвестие мирового порядка, необходимость которого начинает сегодня ощущать человечество. Это совершенно новая ситуация: мировой порядок, конечно, отнюдь не у дверей — до его осуществления будут еще большие конфликты и неисчислимые опасно-

сти войн, — но он уже показался возможным мыслящему человечеству, уже чуть забрезжил зарей на горизонте, тогда как в случае, если он не удастся, человечество окажется перед страшной угрозой самоуничтожения.

У совсем уж бессильного единственная поддержка — целостность мира. Перед лицом небытия он хватается за корни и за что-то всеобъемлющее. Поэтому именно немцам мог бы открыться необыкновенный смысл этого предвестия.

Наше собственное благополучие в мире обусловлено мировым порядком, который в Нюрнберге еще не устанавливается, но на который Нюрнберг указывает.

2. Политическая виновность

За преступление преступника постигает наказание. Если Нюрнбергский процесс ограничивается преступниками, то это снимает бремя с немецкого народа. Но не настолько, чтобы он оказался свободен от всякой вины. Напротив. Тем яснее становится истинная наша вина в своей сути.

Мы были германскими гражданами, когда совершал преступления режим, называвший себя немецким, притязавший быть Германией и с виду имевший на это право, ибо он обладал государственной властью и до 1943 года

ЕСЛИ НЮРНБЕРГСКИЙ
ПРОЦЕСС ОГРАНИЧИВАЕТСЯ
ПРЕСТУПНИКАМИ,
ТО ЭТО СНИМАЕТ БРЕМЯ
С НЕМЕЦКОГО НАРОДА.
НО НЕ НАСТОЛЬКО, ЧТОБЫ
ОН ОКАЗАЛСЯ СВОБОДЕН
ОТ ВСЯКОЙ ВИНЫ.

НАПРОТИВ. ТЕМ ЯСНЕЕ
СТАНОВИТСЯ ИСТИННАЯ
НАША ВИНА В СВОЕЙ СУТИ.
МЫ БЫЛИ ГЕРМАНСКИМИ
ГРАЖДАНАМИ, КОГДА
СОВЕРШАЛ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
РЕЖИМ, НАЗЫВАВШИЙ СЕБЯ
НЕМЕЦКИМ, ПРИТЯЗАВШИЙ
БЫТЬ ГЕРМАНИЕЙ И С ВИДУ
ИМЕВШИЙ НА ЭТО ПРАВО.

не встречал опасного для себя противодействия.

Уничтожение всякой порядочной, подлинной немецкой государственности имеет причинной, должно быть, и поведение большинства немецкого населения. Народ отвечает за свою государственность.

Перед лицом преступлений, совершенных от имени Германской империи, ответственность возлагается и на каждого немца. Мы «отвечаем» коллективно. Спрашивается, в каком смысле каждый из нас должен чувствовать ответственным и себя. Несомненно, в политическом смысле ответственности каждого гражданина за действия, совершаемые государством, гражданином которого он является. Необязательно, однако, поэтому и в моральном смысле фактического или интеллектуального участия в преступлениях. Должны ли мы, немцы, нести ответственность за злодеяния, учиненные над нами немцами, или за злодеяния, от которых мы как бы чудом спаслись? Да — поскольку мы допустили, чтобы такой режим у нас возник. Нет — поскольку многие из нас в душе были противниками всего этого зла и никаким поступком, никаким внутренним мотивом не обрекали себя на признание своей нравственной совиновности. *Считать ответственным — не значит признать морально виновным.*

ДОЛЖНЫ ЛИ МЫ, НЕМЦЫ,
НЕСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ЗЛОДЕЯНИЯ, УЧИНЕННЫЕ
НАД НАМИ НЕМЦАМИ,
ИЛИ ЗА ЗЛОДЕЯНИЯ,
ОТ КОТОРЫХ МЫ КАК БЫ
ЧУДОМ СПАСЛИСЬ?
ДА — ПОСКОЛЬКУ
МЫ ДОПУСТИЛИ,
ЧТОБЫ ТАКОЙ РЕЖИМ
У НАС ВОЗНИК.
НЕТ — ПОСКОЛЬКУ МНОГИЕ
ИЗ НАС В ДУШЕ БЫЛИ
ПРОТИВНИКАМИ ВСЕГО
ЭТОГО ЗЛА.

Коллективная виновность, таким образом, хоть и существует как политическая ответственность граждан, но это не значит, что она тождественна по смыслу моральной и метафизической, а также уголовной виновности. Взять на себя политическую ответственность, спору нет, тяжело ввиду ее ужасных последствий и для каждого в отдельности. Она означает для нас полное политическое бессилие и нищету, которая надолго вынудит нас жить в голоде и холоде или на грани их и в напрасных усилиях. Но эта ответственность как таковая не задевает душу.

Политический поступок совершает в современном государстве каждый, по меньшей мере своим голосованием на выборах или своей неявкой на выборы. Смысл политической ответственности не позволяет уклониться от нее никому.

Потерпев неудачу, политически активные люди обычно потом оправдываются. Но в политических делах такие оправдания ничего не стоят.

Мол, намерения у них были самые лучшие, мол, они желали добра. Гинденбург, например, не хотел ведь губить Германию, не хотел отдавать ее Гитлеру. Это ему не поможет, он это сделал, а это-то и важно в политике.

Или они, мол, видели грозящую беду, говорили об этом, предостерегали. Но это

в политике не считается, коль скоро из этого не последовали действия и коль скоро эти действия не увенчались успехом.

Можно подумать: но ведь есть же люди полностью аполитичные, жившие вне общества, монахи, например отшельники, ученые, исследователи, художники. Если они действительно аполитичны, то на них-то вина не лежит.

Но политическая ответственность лежит и на них, потому что и они обязаны своей жизнью данному государственному укладу. В современных государствах быть вне общества нельзя.

Хочется, конечно, допустить возможность отстраниться, но допустить ее можно только с этим ограничением. Нам хочется признавать и любить аполитичное существование. Но, перестав участвовать в политике, аполитичные теряют и право судить о конкретных политических действиях текущего дня, то есть право самим заниматься безопасной политикой. Аполитичность требует от человека самоотстранения от политической деятельности любого рода, а политическую ответственность снимает с него не в любом смысле.

МОЖНО ПОДУМАТЬ:
НО ВЕДЬ ЕСТЬ ЖЕ
ЛЮДИ ПОЛНОСТЬЮ
АПОЛИТИЧНЫЕ, ЖИВШИЕ
ВНЕ ОБЩЕСТВА, МОНАХИ,
НАПРИМЕР ОТШЕЛЬНИКИ,
УЧЕНЫЕ, ИССЛЕДОВАТЕЛИ,
ХУДОЖНИКИ. ЕСЛИ
ОНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО
АПОЛИТИЧНЫ,
ТО НА НИХ-ТО
ВИНА НЕ ЛЕЖИТ.

НО ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛЕЖИТ
И НА НИХ, ПОТОМУ ЧТО
И ОНИ ОБЯЗАНЫ СВОЕЙ
ЖИЗНЬЮ ДАННОМУ
ГОСУДАРСТВЕННОМУ
УКЛАДУ. В СОВРЕМЕННЫХ
ГОСУДАРСТВАХ БЫТЬ ВНЕ
ОБЩЕСТВА НЕЛЬЗЯ.

3. Моральная виновность

Каждый немец проверяет себя: в чем моя вина? Вопрос о виновности применительно к отдельному человеку, поскольку он сам себя просвечивает насквозь, мы назовем моральным. Тут между нами, немцами, существуют самые большие различия.

Конечно, приговор выносит только каждый себе самому; общаясь, мы можем говорить друг с другом и морально помочь друг другу добиться ясности. Моральное осуждение другого остается, однако, *in suspensio** — в отличие от уголовного и от политического.

Граница, у которой кончается и возможность морального суждения, лежит там, где мы чувствуем, что другой ни о каком моральном самопросвечивании и не помышляет, — где в аргументации нам слышится только софистика, где собеседник вовсе, кажется, и не слушает нас. Гитлер и его сообщники, это маленькое меньшинство в несколько десятков тысяч, пребывают вне моральной виновности до тех пор, пока они вообще не чувствуют за собой вины. Они, кажется, не способны раскаяться и измениться. Они такие, какие они есть. В отношении таких людей остается только насилие, потому что они сами живут только насилием.

---

* В неопределенности (лат.).

Моральная виновность, однако, существует у всех, у кого есть совесть и кому не чуждо раскаянье. Морально виновны способные к покаянию, те, что знали или могли знать, а все-таки шли путями, которые при самопросвечивании предстают им преступно-ошибочными, — одни из них закрывали глаза на происходившее, другие поддавались одурманиванию и соблазну, третьи продавались за личные блага, четвертые повиновались из страха. Представим себе некоторые из этих возможностей:

а) Жизнь в маске — неизбежная для того, кто хотел выжить, — влекла за собой моральную виновность. Лживые заявления о лояльности перед грозными инстанциями вроде гестапо, такие жесты, как приветствие «хайль Гитлер», участие в собраниях и многое другое, что влекло за собой видимость участия, — за кем из нас в Германии никогда не было такой вины? Заблуждаться на этот счет может только забывчивый, потому что заблуждаться он хочет. Маскировка была одной из основных черт нашего существования. Она отягощает нашу нравственную совесть.

б) Больше волнует человека в момент ее понимания вина, вызванная *лживой совестью*. Многие молодые люди просыпаются с ужасным сознанием: моя совесть меня обманула — на что еще я могу положиться? Я думал, что

жертвую собой ради благороднейшей цели, что желаю самого лучшего. Каждый, кто так ужаснется, проверит себя, виновен ли он был в неясности и в нежелании видеть, в сознательном замыкании, изоляции собственной жизни в «благопристойной» сфере.

Здесь надо прежде всего видеть разницу между *солдатской честью* и политическим смыслом. Ибо сознание солдатской чести остается защищенным от любых рассуждений о виновности. Кто был верен в товариществе, стоек в опасности, проявил мужество и деловитость, тот вправе сохранять что-то неприкосновенное в своем чувстве собственного достоинства. Это чисто солдатское и в то же время человеческое начало одинаково у всех народов. Его проявление не только не вина, но, коль скоро оно не запятнано злодеяниями или выполнением явно злодейских приказов, некая основа, некий смысл жизни.

Но проявление солдатского начала нельзя отождествлять с делом, за которое сражались. Солдатское начало не освобождает от вины за все другое.

Безоговорочное отождествление фактического государства с немецкой нацией и армией — это вина лживой совести. Тот, кто был безупречен как солдат, мог стать жертвой фальсифицированной совести. Благодаря этому оказалось возможным творить и терпеть из-за

МОРАЛЬНАЯ ВИНОВНОСТЬ,
ОДНАКО, СУЩЕСТВУЕТ
У ВСЕХ, У КОГО ЕСТЬ
СОВЕСТЬ И КОМУ НЕ ЧУЖДО
РАСКАЯНЬЕ. МОРАЛЬНО
ВИНОВНЫ СПОСОБНЫЕ
К ПОКАЯНИЮ, ТЕ, ЧТО
ЗНАЛИ ИЛИ МОГЛИ
ЗНАТЬ, А ВСЕ-ТАКИ ШЛИ
ПУТЯМИ, КОТОРЫЕ ПРИ
САМОПРОСВЕЧИВАНИИ
ПРЕДСТАЮТ ИМ ПРЕСТУПНО-
ОШИБОЧНЫМИ, — ОДНИ
ИЗ НИХ ЗАКРЫВАЛИ ГЛАЗА
НА ПРОИСХОДИВШЕЕ,
ДРУГИЕ ПОДДАВАЛИСЬ
ОДУРМАНИВАНИЮ
И СОБЛАЗНУ, ТРЕТЬИ
ПРОДАВАЛИСЬ ЗА ЛИЧНЫЕ
БЛАГА, ЧЕТВЕРТЫЕ
ПОВИНОВАЛИСЬ ИЗ СТРАХА.

национальных убеждений явное зло. Отсюда чистая совесть при злых делах.

Однако долг перед отечеством гораздо глубже, чем слепое повиновение тем или иным правителям. Отечество уже не отечество, если разрушается его душа. Мощь государства сама по себе — не цель, напротив, она губительна, если это государство уничтожает немецкую сущность. Поэтому долг перед отечеством отнюдь не вел последовательно к повиновению Гитлеру и к убежденности, что и как гитлеровское государство Германия непременно должна победить в войне. Вот в чем заключается лживая совесть. Это непростая вина. Это в то же время и трагическое смятение, особенно большой части несведущей молодежи. Долг перед отечеством — это полная самоотдача ради высочайших требований, предъявляемых нам нашими лучшими предками, а не идолами лживой традиции.

Поразительно поэтому, как, несмотря на все зло, удавалось самоотожествление с армией и государством. Ведь эта обязательность слепого национального взгляда — понятная лишь как последняя гнилая опора теряющего веру мира — была, по совести, одновременно моральной виной.

Эта вина стала возможной и благодаря неверно понятому библейскому изречению

ДОЛГ ПЕРЕД ОТЕЧЕСТВОМ
ГОРАЗДО ГЛУБЖЕ,
ЧЕМ СЛЕПОЕ ПОВИНОВЕНИЕ
ТЕМ ИЛИ ИНЫМ
ПРАВИТЕЛЯМ. ОТЕЧЕСТВО
УЖЕ НЕ ОТЕЧЕСТВО,
ЕСЛИ РАЗРУШАЕТСЯ ЕГО
ДУША. МОШЬ ГОСУДАРСТВА
САМА ПО СЕБЕ — НЕ ЦЕЛЬ,
НАПРОТИВ,
ОНА ГУБИТЕЛЬНА,
ЕСЛИ ЭТО ГОСУДАРСТВО
УНИЧТОЖАЕТ НЕМЕЦКУЮ
СУЩНОСТЬ.

«будь покорен имеющим власть над тобой»*, но окончательно выродилась в удивительную покорность приказу на военный манер. «Это приказ» — для многих эти слова звучали и еще звучат патетически, выражая высший долг. Но они одновременно и освобождали от вины, равнодушно утверждая неизбежность зла и глупости. Безусловной моральной виной становилось такое поведение в раже послушания, поведении инстинктивном, считающем себя добросовестным, а на самом деле ничего общего с совестью не имеющем.

Из отвращения к нацистской власти многие после 1933 года избирали офицерскую карьеру, потому что казалось, что только здесь царит пристойная атмосфера, не подверженная влиянию партии, враждебная партии, как бы отрицающая власть партии. И это тоже было заблуждением совести, последствием которого — после устранения всех самостоятельных генералов старой школы — оказалось в конце концов нравственное разложение немецкого офицера на всех руководящих постах, несмотря на множество славных, даже благородных служак, которые тщетно искали здесь спасения, как того требовала от них обманчивая совесть.

Именно тогда, когда с самого начала человек действует по честному разумению и доброй

---

* Римл. 13, 1.

воле, его разочарование, в том числе и в себе, особенно велико. Оно приводит к проверке и самой искренней веры вопросом: насколько ответствен я за свою иллюзию, за всякую иллюзию, которую я питаю.

Пробуждение, распознавание этой иллюзии необходимо. Оно сделает из идеалистов-юнцов стойких, нравственно надежных, политически трезвых немецких мужчин, которые смиренно примут свою судьбу.

в) Частичное одобрение национал-социализма, *половинчатость*, а порой *внутреннее приспособление* и примирение, было моральной виной, лишенной какого бы то ни было трагизма, свойственного предыдущим разновидностям вины.

Такая аргументация: «Ведь есть в этом и хорошее», такая готовность к мнимо справедливому признанию была у нас распространена. Правдивым могло быть только радикальное «либо — либо». Если я признаю порочный принцип, то все скверно, и даже хорошие с виду последствия — вовсе не то, чем они кажутся. Из-за того, что эта ошибочная объективность была готова признать в национал-социализме мнимо хорошее, даже близкие прежде друзья становились друг другу чужими, с ними уже нельзя было говорить откровенно. Тот, кто еще недавно сетовал, что нет мученика, который пожертвовал бы собой, выступив

за прежнюю свободу и против несправедливости, — тот же человек мог восхвалять как высокую заслугу уничтожение безработицы (путем вооружения и жульнической финансовой политики), мог в 1938 году приветствовать захват Австрии как осуществление старого идеала единой империи, а в 1940-м подвергать сомнению нейтралитет Голландии и оправдывать гитлеровскую агрессию и, главное, радоваться победам.

г) Многие предавались удобному *самообману*: они, мол, потом изменят это порочное государство, партия исчезнет, самое позднее — со смертью фюрера. Сейчас надо во всем участвовать, чтобы изнутри поворачивать все к добру. Вот типичные разговоры.

С офицерами: «Мы устраним национал-социализм после войны именно на основе нашей победы: пока надо держаться вместе, привести Германию к победе; когда горит дом, сперва тушат огонь, а потом спрашивают, кто устроил пожар». Ответ: после победы вас распустят, вы с радостью пойдете по домам, оружие останется только у СС, и террористический режим национал-социализма перерастет в рабовладельческое государство. Никакая индивидуальная человеческая жизнь не будет возможна. Будут сооружаться пирамиды, строиться и перестраиваться дороги и города по прихоти фюрера. Будет развиваться огром-

ный механизм вооружения для окончательного завоевания мира.

С преподавателями высшей школы: «Мы партия фронды. Мы отваживаемся на непринужденные дискуссии. Мы достигаем духовных целей. Мы все постепенно преобразуем в прежнюю немецкую духовность». Ответ: вы заблуждаетесь. Вам предоставляют свободу шута при условии неукоснительного послушания. Вы молчите и уступаете. Ваша борьба — видимость, для руководства желательная. Вы только помогаете похоронить немецкий дух.

У многих интеллигентов, которые участвовали в событиях 1933 года, стремились достичь руководящего положения и по своим взглядам публично взяли сторону новой власти, интеллигентов, которые позднее, будучи лично оттеснены, возмущались, но чаще продолжали одобрять режим, пока неблагоприятный исход войны не стал в 1942 году очевиден и не сделал их наконец противниками режима, — у многих из этих интеллигентов есть такое чувство, что они пострадали от нацистов и потому призваны прийти им на смену. Сами они считают себя антинацистами: они, мол, в духовных вопросах были правдивы и беспристрастны, хранили традиции немецкого духа, предотвращали всяческое разрушение, делали какие-то добрые дела.

Возможно, среди них окажутся люди, виновные из-за косности своего мышления,

«МЫ ПАРТИЯ ФРОНДЫ.
МЫ ОТВАЖИВАЕМСЯ
НА НЕПРИНУЖДЕННЫЕ
ДИСКУССИИ. МЫ ДОСТИГАЕМ
ДУХОВНЫХ ЦЕЛЕЙ. МЫ ВСЕ
ПОСТЕПЕННО ПРЕОБРАЗУЕМ
В ПРЕЖНЮЮ НЕМЕЦКУЮ
ДУХОВНОСТЬ».

ОТВЕТ: ВЫ ЗАБЛУЖДАЕТЕСЬ.
ВАМ ПРЕДОСТАВЛЯЮТ
СВОБОДУ ШУТА ПРИ УСЛОВИИ
НЕУКОСНИТЕЛЬНОГО
ПОСЛУШАНИЯ.

ВЫ МОЛЧИТЕ И УСТУПАЕТЕ.
ВАША БОРЬБА — ВИДИМОСТЬ,
ДЛЯ РУКОВОДСТВА
ЖЕЛАТЕЛЬНАЯ. ВЫ ТОЛЬКО
ПОМОГАЕТЕ ПОХОРОНИТЬ
НЕМЕЦКИЙ ДУХ.

которое хоть и не совпадает с партийными доктринами, но в действительности, не отдавая себе в том отчета, сохраняет при видимости перемены и враждебности внутреннюю позицию национал-социализма. Из-за этого мышления, может быть, им изначально сродни то, что было бесчеловечной, диктаторской, мертвяще-нигилистической сущностью национал-социализма. Кто в 1933 году, будучи зрелым человеком, обладал внутренней убежденностью, коренившейся не только в политическом заблуждении, но и в усиленном благодаря национал-социализму чувстве бытия, тот не очистился иначе, как через переплавку, которая должна зайти, может быть, глубже всякой другой. Кто вел себя так в 1933 году, остался бы без нее внутренне хрупким и способным к фанатизму в дальнейшем. Кто участвовал в расовом безумии, кто питал иллюзии относительно строительства, которое основывалось на обмане, кто мирился с уже тогда совершенными преступлениями, тот не только ответствен, но и обязан нравственно обновиться. Может ли он обновиться и каким образом, это только его дело, об этом извне трудно судить.

д) Есть разница между *активными* и *пассивными*.

Политические деятели и исполнители, руководители и пропагандисты виновны.

Если они и не совершили уголовных преступлений, то все же из-за своей активности они несут поддающуюся положительному определению вину.

Однако каждый из нас несет вину, поскольку он оставался бездействен. Вина пассивности другая. Бессилие извиняет; морального требования полезной смерти не существует. Еще Платон считал естественным в бедственные времена при отчаянном положении прятаться, чтобы выжить. Но пассивность знает свою, моральную вину за каждую упущенную по небрежности возможность защитить гонимого, облегчить зло, оказать противодействие. В покорности бессилия всегда оставалась возможность пусть не безопасных, но при осторожности все-таки эффективных действий.

Боязливо упустив такую возможность, каждый в отдельности признает своей моральной виной слепоту к беде другого, душевную черствость, внутреннюю незадетость случившейся бедой.

е) Моральная виновность во внешнем примыкании, *роль попутчика* объединяют в какой-то мере очень многих из нас. Чтобы устроить свою жизнь, не потерять своего положения, не загубить свои шансы, человек становился членом партии и соблюдал все другие формальности.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ
И ИСПОЛНИТЕЛИ,
РУКОВОДИТЕЛИ
И ПРОПАГАНДИСТЫ
ВИНОВНЫ. ЕСЛИ ОНИ
И НЕ СОВЕРШИЛИ
УГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ТО ВСЕ ЖЕ ИЗ-ЗА СВОЕЙ
АКТИВНОСТИ ОНИ
НЕСУТ ПОДДАЮЩУЮСЯ
ПОЛОЖИТЕЛЬНОМУ
ОПРЕДЕЛЕНИЮ ВИНУ.
ОДНАКО КАЖДЫЙ ИЗ НАС
НЕСЕТ ВИНУ, ПОСКОЛЬКУ
ОН ОСТАВАЛСЯ БЕЗДЕЯТЕЛЕН.

Никто не получит за это полного оправдания, тем более что было много немцев, которые действительно не совершили такого акта приспособления и взяли на себя все невыгодные последствия этого.

Надо представить себе, какова была обстановка году в 1936-м или 1938-м. Партия была государством. Такое положение, казалось, закрепилось надолго. Только война могла свалить этот режим. Все державы заключали договоры с Гитлером. Все хотели мира. Немец, который не желал оказаться совсем в стороне, потерять свою профессию, повредить своему делу, должен был подчиниться, тем более человек молодой. Принадлежность к партии или к профессиональному союзу была уже не политическим актом, а скорее актом милости государства, допускающего данное лицо. «Значок» нужен был как внешний знак, без внутреннего согласия. Тому, от кого тогда требовали куда-то вступить, трудно было отказаться. Для смысла примыкания имеет решающее значение, при каких обстоятельствах и по каким мотивам человек стал членом партии. У каждого года и каждой ситуации есть свои оправдания и свои отягчающие обстоятельства, различить которые можно только в каждом индивидуальном случае.

ЧТОБЫ УСТРОИТЬ СВОЮ
ЖИЗНЬ, НЕ ПОТЕРЯТЬ
СВОЕГО ПОЛОЖЕНИЯ,
НЕ ЗАГУБИТЬ СВОИ ШАНСЫ,
ЧЕЛОВЕК СТАНОВИЛСЯ
ЧЛЕНОМ ПАРТИИ
И СОБЛЮДАЛ ВСЕ ДРУГИЕ
ФОРМАЛЬНОСТИ.
НИКТО НЕ ПОЛУЧИТ ЗА ЭТО
ПОЛНОГО ОПРАВДАНИЯ,
ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО БЫЛО МНОГО
НЕМЦЕВ, КОТОРЫЕ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО
НЕ СОВЕРШИЛИ ТАКОГО АКТА
ПРИСПОСОБЛЕНИЯ И ВЗЯЛИ
НА СЕБЯ ВСЕ НЕВЫГОДНЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ ЭТОГО.

4. Метафизическая ВИНОВНОСТЬ

Мораль тоже всегда определяется мирскими целями. Морально я могу быть обязан рисковать своей жизнью, если надо что-то осуществить. Но морально несостоятельно требование, чтобы кто-то жертвовал жизнью, зная наверняка, что этим ничего не достигнешь. Морально требование риска, но не требование, чтобы кто-то выбрал верную смерть. Скорее морально в обоих случаях требование противоположного: не делать бессмысленных вещей для мирских целей, а сохранить себя для их осуществления.

Но есть в нас сознание своей виновности, у которого источник другой. Метафизическая виновность — это отсутствие абсолютной солидарности с человеком как с человеком. Она не снимает своей претензии и тогда, когда морально осмысленное требование уже исключается. Эта солидарность нарушена, если я присутствовал при несправедливостях и преступлениях. Недостаточно того, что я с осторожностью рисковал жизнью, чтобы предотвратить их. Если они совершились, а я при этом был и остался жив, тогда как другого убили, то есть во мне какой-то голос, благодаря которому я знаю: тот факт, что я еще жив, — моя вина.

Когда в ноябре 1938 года горели синагоги и впервые депортировали евреев, вина за эти преступления была, конечно, прежде всего моральная и политическая.

Двоякая вина лежала на тех, у кого еще была власть. Генералы при этом присутствовали. В каждом городе, когда совершались преступления, мог вмешаться комендант. Ведь долг солдата — защищать всех, когда преступления совершаются в таком объеме, что полиция не может предотвратить их или не справляется со своей задачей. Они бездействовали. Они предали в этот момент славные прежде моральные традиции немецкой армии. Их это не касалось. Они отреклись от души немецкого народа ради абсолютно автономного военного механизма, подчиняющегося приказам.

Среди нашего населения многие, правда, были возмущены, многие охвачены ужасом, предчувствуя беду. Но еще большее число людей продолжало без помех заниматься своими делами, общаться и развлекаться как ни в чем не бывало. Это моральная вина.

А те, кто в отчаянии полного бессилия не мог этому помешать, — те от сознания метафизической вины сделали в своем внутреннем развитии еще один шаг.

СОЛИДАРНОСТЬ НАРУШЕНА,
ЕСЛИ Я ПРИСУТСТВОВАЛ
ПРИ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЯХ
И ПРЕСТУПЛЕНИЯХ.
НЕДОСТАТОЧНО ТОГО,
ЧТО Я С ОСТОРОЖНОСТЬЮ
РИСКОВАЛ ЖИЗНЬЮ,
ЧТОБЫ ПРЕДОТВРАТИТЬ ИХ.
ЕСЛИ ОНИ СОВЕРШИЛИСЬ,
А Я ПРИ ЭТОМ БЫЛ
И ОСТАЛСЯ ЖИВ,
ТОГДА КАК ДРУГОГО УБИЛИ,
ТО ЕСТЬ ВО МНЕ КАКОЙ-ТО
ГОЛОС, БЛАГОДАРЯ КОТОРОМУ
Я ЗНАЮ: ТОТ ФАКТ,
ЧТО Я ЕЩЕ ЖИВ, — МОЯ ВИНА.

5. Выводы

а) Последствия виновности

В том, что мы, немцы, что каждый немец в каком-то смысле виновен, — в этом, если наши рассуждения были не совсем неосновательны, не может быть сомнения:

1. Каждый немец без исключения несет политическую ответственность. Он должен участвовать в возмещении ущерба в юридически установленной форме. Он должен страдать от результатов действий победителей, от их волевых решений, от их разногласий. Мы не в состоянии оказывать здесь какое-либо влияние как фактор силы.

Только разумно излагая факты, указывая на возможности и опасности, можно участвовать в подготовке решений. В подобающей форме можно обращаться к победителям с доводами.

2. Не каждому немцу, даже очень малому меньшинству немцев, приходится нести наказание за преступления, другому меньшинству приходится расплачиваться за национал-социалистическую деятельность. Защищаться разрешается. Судят суды победителей и учрежденные ими немецкие инстанции.

3. У каждого немца, наверно, — хотя и у каждого по-своему — найдется повод проверить себя с моральной стороны. При этом, однако, ему не нужно признавать никакой инстанции, кроме собственной совести.

4. Каждый немец, способный понимать, изменить, наверно, благодаря метафизическому опыту такой беды свое жизневосприятие и свое самосознание. Как это произойдет — никто не может ни предписать, ни предвосхитить. Это дело каждого в отдельности. То, что из этого возникнет, станет в будущем основой немецкой души.

Эти разграничения можно использовать софистически, чтобы освободиться от всего вопроса виновности, например, так:

Политическая виновность — хорошо, но она ограничивает только мои материальные средства, а внутри-то она меня вовсе не задевает.

Уголовная виновность — она ведь касается очень немногих, не меня, ко мне это не имеет отношения.

Моральная виновность — мне говорят, что критерий — собственная совесть, другие не смеют упрекать меня. А уж моя совесть обойдется со мной по-дружески. Все не так скверно — подведем черту и начнем новую жизнь.

Метафизическую виновность — ее и вовсе, как было сказано, никто не должен приписывать другому. Ее, мол, я должен увидеть, изменяясь. Это бредовая мысль какого-то философа. Такого не бывает. А если бывает, то я ничего подобного не замечал. Об этом мне можно не беспокоиться.

Наше расщепление понятий виновности может стать уловкой, помогающей снять с себя вину. Разграничения находятся на переднем плане. Они могут заслонить первопричину и целое.

б) Коллективная виновность

Разграничив моменты виновности, мы в конце концов возвращаемся к вопросу о коллективной виновности.

Разграничение, при всей своей правильности и разумности, несет в себе описанный выше соблазн — вообразить, будто такими разграничениями ты снял с себя вину, облегчил свое бремя. При этом опускается нечто такое, что в коллективной виновности, несмотря ни на что, явно присутствует. Грубость мышления в категориях коллектива и осуждения коллективов не препятствует чувству нашей общности.

В конечном счете, спору нет, истинный коллектив — это общность всех людей

перед Богом. Каждый волен в чем-то освободиться от привязанности к государству, народу, группе, чтобы прорваться к невидимой солидарности людей как людей доброй воли и как людей, связанных общей виной человеческого бытия.

Но исторически мы привязаны к более близким и более узким сообществам, и без них мы бы канули в бездну.

Политическая ответственность и коллективная виновность

Факты таковы: суждения и чувства людей во всем мире определяются в большой мере коллективистскими представлениями. На немца, кем бы немец ни был, смотрят сегодня в мире как на кого-то, с кем лучше не иметь дела. Немецкие евреи за границей нежелательны как немцы и считаются, по существу, немцами, не евреями. Вследствие такого коллективистского мышления политическая ответственность становится в то же время и наказанием на основании нравственной виновности. Такое коллективистское мышление часто возникало в истории. Варварство войны обрекало все население в целом на грабежи, насилия, продажу в рабство. Вдобавок на долю несчастных выпадало еще и моральное уничтожение во мнении победителей. Человек должен не только покориться, но и признать

это и покаяться. Всякий, мол, немец, христианин, иудей ли, во власти дьявола.

Факт этого распространенного в мире, хотя и не всеобщего мнения снова и снова подбивает нас не только воспользоваться для защиты нашим простым отделением политической ответственности от моральной виновности, но и проверить, много ли правды содержит в себе коллективистское мышление. Мы не отказываемся от такого отделения, но мы должны ограничить его, отметив, что поведение, приведшее к ответственности, основано на общей политической обстановке, которая носит характер как бы моральный, потому что тоже определяет мораль индивидуума. От этой обстановки индивидуум не может отделить себя полностью, потому что он, осознанно или неосознанно, живет как ее элемент, который никак не может уйти от влияния среды, даже находясь в оппозиции. Есть что-то вроде моральной коллективной виновности в том образе жизни населения, который я, как отдельное лицо, разделяю и из которого возникают политические реальности.

Ведь политическая обстановка и весь образ жизни людей неразделимы. Нельзя абсолютно отделить политику от принадлежности к роду человеческому, человек не отшельник, гибнущий в одиночку.

Политическая обстановка сформировала швейцарца, голландца и веками воспитывала в нас, немцах, послушание, династические убеждения, равнодушие и безответственность в отношении политической реальности — и что-то от этого в нас есть, даже если мы против такого поведения.

Что все население, по сути, расплачивается за последствия действий государства — *quidquid delirant reges, plectuntur Achivi** — это просто проверенный опытом факт. Что оно, население, знает о своей ответственности — это первый признак пробуждающейся в нем политической свободы. Только если есть и признается такое знание, свобода действительно приходит, а не остается только внешним притязанием несвободных людей.

Внутренняя политическая несвобода послушна, а с другой стороны, она не чувствует себя виноватой. Сознание своей ответственности — это начало внутреннего переворота, стремящегося осуществить политическую свободу.

Противоположность свободного и несвободного образа мыслей видна, например, во взгляде на руководителя государства. Кто-то спросил: несут ли народы вину за руководителей, которых они терпят? Например,

---

* Что б ни творили цари-сумасброды, страдают ахейцы (лат.). Гораций. Послания, 1, 2, 14. — *Прим. пер.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ОБСТАНОВКА
СФОРМИРОВАЛА
ШВЕЙЦАРЦА,
ГОЛЛАНДЦА И ВЕКАМИ
ВОСПИТЫВАЛА В НАС,
НЕМЦАХ, ПОСЛУШАНИЕ,
ДИНАСТИЧЕСКИЕ
УБЕЖДЕНИЯ, РАВНОДУШИЕ
И БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ
В ОТНОШЕНИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
РЕАЛЬНОСТИ — И ЧТО-ТО
ОТ ЭТОГО В НАС ЕСТЬ, ДАЖЕ
ЕСЛИ МЫ ПРОТИВ ТАКОГО
ПОВЕДЕНИЯ.

Франция за Наполеона. Подразумевается, что подавляющее большинство шло за Наполеоном, желало могущества и славы, которые он стяжал. Наполеон был возможен только потому, что французы желали его. Его величие — точность, с какой он понял, чего ждали народные массы, что желали слышать, каких желали иллюзий, каких материальных реальностей. По праву ли сказал Ленц: «Государство вступило в ту жизнь, которая соответствовала гению Франции»? Да, какой-то части, какой-то ситуации соответствовала — но не гению же народа! Кто может определить гений народа подобным образом? Этот же самый гений породил и другие реальности.

Возможен такой ход мыслей: как мужчина отвечает за выбор возлюбленной, с которой он свяжет браком свою судьбу, так отвечает народ за того, кому он повинуется. Ошибка — это вина. За ее последствия надо жестоко расплачиваться. Но это-то как раз и неверно. Что возможно и что подобает в браке, то в государстве уже в основе своей пагубно — непременная связанность с каким-либо человеком. Верность свиты — это неполитические отношения в узких кругах и в примитивных условиях. В свободном государстве все подлежит контролю и замене.

Отсюда двойная вина: во-первых, вообще безоговорочная политическая покорность

какому-либо руководителю, а во-вторых, сущность руководителя, которому ты подчинился. Атмосфера подчинения — это как бы коллективная вина.

Собственное сознание коллективной виновности

Мы чувствуем и какую-то свою вину за действия членов нашей семьи. Эту совиновность нельзя объективировать. Любую разновидность ответственности всех членов семьи за действия, совершенные одним из ее членов, мы бы отвергли. Но мы, будучи одной крови, все-таки склонны чувствовать себя задетыми, если кто-то из нашей семьи поступает несправедливо, а потому склонны даже, в зависимости от характера поступка и жертвы несправедливости, как-то заглаживать эту вину, даже если ни моральной, ни юридической ответственности мы за нее не несем.

Так немец — то есть человек немецкоязычный — чувствует себя причастным ко всему, что порождено немецкостью. Не ответственность гражданина государства, а причастность человека, принадлежащего немецкой духовной жизни и психике, каковым я являюсь вместе с другими людьми этого же языка, этого же происхождения, этой же судьбы, становится тут причиной не какой-то конкретной виновности, а какого-то аналога совиновности.

◆

ВОЗМОЖЕН ТАКОЙ
ХОД МЫСЛЕЙ: КАК МУЖЧИНА
ОТВЕЧАЕТ ЗА ВЫБОР
ВОЗЛЮБЛЕННОЙ,
С КОТОРОЙ ОН СВЯЖЕТ
БРАКОМ СВОЮ СУДЬБУ,
ТАК ОТВЕЧАЕТ НАРОД
ЗА ТОГО,
КОМУ ОН ПОВИНУЕТСЯ.
ОШИБКА — ЭТО ВИНА.
ЗА ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАДО
ЖЕСТОКО РАСПЛАЧИВАТЬСЯ.
НО ЭТО-ТО КАК РАЗ
И НЕВЕРНО. ЧТО ВОЗМОЖНО
И ЧТО ПОДОБАЕТ В БРАКЕ,
ТО В ГОСУДАРСТВЕ
УЖЕ В ОСНОВЕ СВОЕЙ
ПАГУБНО — НЕПРЕМЕННАЯ
СВЯЗАННОСТЬ
С КАКИМ-ЛИБО ЧЕЛОВЕКОМ.

◆

Мы чувствуем себя причастными не только к тому, что делается сейчас, не только совинновными в действиях современников, но и причастными к традиции. Мы должны взять на себя вину отцов. Мы все виноваты в том, что в духовных условиях немецкой жизни дана была возможность такого режима. Это, конечно, вовсе не значит, что нам надо признать, будто «немецкий мир идей», «немецкая мысль прошлого» и есть источник злодейств национал-социализма. Но это значит, что у нас как народа есть в традиции что-то могущественное и грозное, таящее в себе нашу нравственную гибель. Мы сознаем себя не только отдельными людьми, но и немцами. Каждый отдельный человек есть, в сущности, немецкий народ. У кого из нас не было в жизни мгновений, когда он, в несогласии со своим народом, отчаявшись в нем, говорил себе: «Я — Германия» — или в ликующем согласии с ним: «И я тоже Германия!» У немецкого нет никакого иного облика, чем эти отдельные люди. Поэтому требование переплавиться, возродиться, отбросить все пагубное — это задача для народа в виде задачи для каждого в отдельности.

Поскольку в глубине души я не могу удержаться от чувства коллектива, для меня, для каждого немецкость — это не наличное уже состояние, а задача. Это нечто совсем иное,

чем абсолютизация народа. Я прежде всего человек, в частности я фрисландец, я профессор, я немец, я близко, до слияния душ, связан с другими коллективами, ближе или отдаленнее со всеми группами, которые мне встречались; благодаря этой близости я могу в какие-то мгновения чувствовать себя почти евреем, или голландцем, или англичанином. Но внутри этого данность немецкости, то есть, в сущности, жизнь в родном языке, настолько сильна, что каким-то рационально непостижимым, рационально даже опровержимым образом я чувствую и себя ответственным за то, что делают или делали немцы.

Я чувствую себя более близким к тем немцам, которые тоже так чувствуют, и более далеким от тех, чья душа, кажется, отрицает такую связь. И близость эта означает прежде всего общую, окрыляющую задачу — не быть такими немцами, какие уж мы есть, а стать такими немцами, какими мы еще не сделали, но должны быть, такими, какими призывают нас быть наши великие предки, а не история национальных идиологов.

Чувствуя свою коллективную виновность, мы чувствуем во всей ее полноте задачу возрождения изначальной принадлежности к роду человеческому — задачу, которая стоит перед всеми людьми на земле, но насущнее,

ощутимее, определяя как бы все бытие, встает там, где какой-то народ по его собственной вине ждет полное разорение.

Кажется, что теперь я совсем перестал рассуждать как философ. Действительно, слов больше нет, и лишь в негативной форме можно отметить, что ни на каких наших разграничениях, хотя мы считаем их верными и отнюдь не берем назад, нельзя успокаиваться. Нам нельзя исчерпывать ими дело и освободить себя от бремени, под которым пройдет наш дальнейший жизненный путь, от бремени, благодаря которому созреет самое драгоценное — вечная сущность нашей души.

◆

ЧУВСТВУЯ СВОЮ
КОЛЛЕКТИВНУЮ
ВИНОВНОСТЬ,
МЫ ЧУВСТВУЕМ
ВО ВСЕЙ ЕЕ ПОЛНОТЕ
ЗАДАЧУ ВОЗРОЖДЕНИЯ
ИЗНАЧАЛЬНОЙ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К РОДУ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ — ЗАДАЧУ,
КОТОРАЯ СТОИТ ПЕРЕД
ВСЕМИ ЛЮДЬМИ НА ЗЕМЛЕ,
НО НАСУЩНЕЕ, ОЩУТИМЕЕ,
ОПРЕДЕЛЯЯ КАК БЫ ВСЕ
БЫТИЕ, ВСТАЕТ ТАМ,
ГДЕ КАКОЙ-ТО НАРОД ПО ЕГО
СОБСТВЕННОЙ ВИНЕ ЖДЕТ
ПОЛНОЕ РАЗОРЕНИЕ.

II. Возможности оправдания

У нас самих и у тех, кто желает нам добра, уже наготове мысли об облегчении нашей вины. Есть точки зрения, которые, намекая на более мягкий приговор, одновременно точнее формулируют и характеризуют вину, имеющуюся в виду в том или ином случае.

1. Террор

Германия при нацистском режиме была тюрьмой, угодить в эту тюрьму — политическая вина. Но как только двери этой тюрьмы захлопнулись, взломать их изнутри нельзя. Рассматривая ответственность и виновность узников, еще оставшуюся и возникающую теперь, надо всегда задаваться вопросом: что было вообще возможно сделать тогда? В тюрьме возлагать ответственность за бесчинства тюремщиков на всех узников скопом явно несправедливо.

Говорили, что миллионы, миллионы рабочих и миллионы солдат, должны были оказать сопротивление. Они этого не сделали, они работали на войну и сражались — значит, они виновны. На это можно возразить: пятнадцать миллионов иностранных рабочих так же точно

работали на войну, как немецкие рабочие. Что с их стороны совершалось больше актов саботажа, не доказано. Лишь в последние недели, когда уже все разваливалось, иностранные рабочие развили, по-видимому, большую активность.

Невозможно совершать крупные акции, не организовавшись под чьим-то руководством. Требовать, чтобы население государства бунтовало и против террористического государства, — значит требовать невозможного. Такой бунт может быть только распыленным, лишенным настоящей собранности, он остается сплошь анонимным, это тихое погружение в смерть. Есть лишь несколько исключений, ставших известными благодаря особым обстоятельствам (таких, как героизм брата и сестры Шолль, этих немецких студентов, и профессора Губера в Мюнхене).

Удивительно, как можно тут кого-то обвинять. Франц Верфель, который вскоре после разгрома гитлеровской Германии написал статью, безжалостно обвиняющую весь немецкий народ, утверждал, что сопротивление оказал один Нимёллер, — и в той же статье он говорит о сотнях тысяч людей, которых убили в концлагерях, — почему? Да потому, что они, хотя чаще только словами, оказывали сопротивление. Это анонимные мученики, своим бесследным исчезновением как раз

ГЕРМАНИЯ ПРИ
НАЦИСТСКОМ РЕЖИМЕ БЫЛА
ТЮРЬМОЙ, УГОДИТЬ В ЭТУ
ТЮРЬМУ — ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ВИНА. (...) РАССМАТРИВАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
И ВИНОВНОСТЬ УЗНИКОВ,
ЕЩЕ ОСТАВШУЮСЯ
И ВОЗНИКАЮЩУЮ
ТЕПЕРЬ, НАДО ВСЕГДА
ЗАДАВАТЬСЯ ВОПРОСОМ:
ЧТО БЫЛО ВОООБЩЕ
ВОЗМОЖНО СДЕЛАТЬ ТОГДА?
В ТЮРЬМЕ ВОЗЛАГАТЬ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА БЕСЧИНСТВА
ТЮРЕМЩИКОВ НА ВСЕХ
УЗНИКОВ СКОПОМ ЯВНО
НЕСПРАВЕДЛИВО.

и показавшие, что возможностей не было. Ведь до 1939 года концлагеря были чисто внутри-немецким делом, да и после их заполняли в большой мере немцами. Число политических арестов в 1944 году ежемесячно переваливало за 4000. Тот факт, что концлагеря существовали до самого конца, доказывает, что в стране была оппозиция.

В этих обвинениях нам порой слышится фарисейский тон тех, что с опасностью для себя бежали, но в результате — если сравнить с муками и смертью в концлагере или со страхом в Германии — жили все-таки за границей без гнета террора, хотя и с эмигрантскими бедами, а теперь эмиграцию как таковую ставят себе в заслугу. Такому тону мы считаем себя вправе спокойно, без гнева дать отпор.

Есть и в самом деле голоса справедливых людей, которые хорошо понимают именно аппарат террора и его следствия. Вот Дуайт Макдональд в журнале *Politics* за март 1945 года: апогей террора и вынужденной вины при терроре достигается альтернативой — убить или быть убитым. Некоторые чины, которым поручались расстрелы и убийства, говорит он, отказывались участвовать в этих жестокостях и были расстреляны.

Вот Ханна Арендт: террор породил тот удивительный феномен, что в преступлениях вождей стал участвовать немецкий народ.

Подчиненные превратились в соучастников. Правда, в ограниченном объеме, но все же настолько, что люди, от которых этого никак нельзя было ожидать, отцы семейств, трудолюбивые граждане, добросовестно выполнявшие любую работу, так же добросовестно, по приказу, убивали и совершали в концлагерях прочие зверства*.

2. Вина и историческая связь

Мы различаем причину и вину. Объяснение, почему что-то произошло так и даже непременно должно было так произойти, произвольно считается оправданием. Причина слепа и неизбежна, вина обладает зрением и свободна.

Так же мы поступаем обычно и с политическим событием. Историческая причинная связь как бы освобождает народ от ответственности. Отсюда удовлетворение, когда в беде кажется понятной ее неотвратимость по веским причинам.

Многие люди склонны брать на себя ответственность и подчеркивать это, когда речь идет

---

* Ханна Арендт с трезвой объективностью воли потрясающе показала это в своей статье «Организованная виновность» (*Wandlung*, первый год издания, №4, апрель 1946 года, — впервые по-английски в *Jewish Frontier*, январь 1945 года). — Прим. авт.

ПОДЧИНЕННЫЕ
ПРЕВРАТИЛИСЬ
В СОУЧАСТНИКОВ.
ПРАВДА, В ОГРАНИЧЕННОМ
ОБЪЕМЕ, НО ВСЕ ЖЕ
НАСТОЛЬКО, ЧТО ЛЮДИ,
ОТ КОТОРЫХ ЭТОГО
НИКАК НЕЛЬЗЯ БЫЛО
ОЖИДАТЬ, ОТЦЫ СЕМЕЙСТВ,
ТРУДОЛЮБИВЫЕ ГРАЖДАНЕ,
ДОБРОСОВЕСТНО
ВЫПОЛНЯВШИЕ ЛЮБУЮ
РАБОТУ,
ТАК ЖЕ ДОБРОСОВЕСТНО,
ПО ПРИКАЗУ,
УБИВАЛИ И СОВЕРШАЛИ
В КОНЦЛАГЕРЯХ ПРОЧИЕ
ЗВЕРСТВА.

об их теперешних поступках, произвол которых им хочется освободить от всяких ограничений и требований. Но, с другой стороны, склонны при неудаче снимать с себя ответственность и сваливать ее на какие-то мнимые необходимости. Об ответственности только говорили, а что такое ответственность, не ведали.

Соответственно все эти годы можно было слышать: если Германия выиграет войну, то выиграет ее партия, это заслуга партии, а если Германия войну проиграет, то проиграет ее немецкий народ, это его вина.

Однако при исторических причинных связях никак нельзя разграничить причину и ответственность в тех случаях, когда человеческие действия сами суть некий фактор. Поскольку на происходящее влияют решения, то, что служит причиной, есть в то же время вина или заслуга.

А то, что не зависит от воли и решения, — это ведь всегда в то же время задача. Как проявит себя данное от природы, зависит и от того, как воспримет это, как обойдется с этим, что сделает из этого человек. Никакой ход событий историческая наука не может считать просто неизбежным. Так же как эта наука никогда не может дать точного прогноза (как то бывает, например, в астрономии), она и ретроспективно, задним числом, не может признать неизбежности ни всего происшед-

шего, ни отдельных действий. В обоих случаях она видит пространство возможностей, только в отношении прошлого картина эта богаче и конкретнее.

Историко-социологическое понимание и рисуемая историческая картина — это уже опять-таки фактор событий и, стало быть, дело ответственности.

Из данностей, которые как таковые находятся еще вне сферы свободы, а потому и вне сферы виновности и ответственности, называют прежде всего географические условия и всемирно-историческую обстановку.

1. Географические условия

У Германии со всех сторон открытые границы. Если она хочет устоять как государство, то всегда должна быть сильной в военном отношении. Времена слабости делали ее добычей государств запада, востока и севера, наконец, даже юга (Турция). Из-за своего географического положения Германия никогда не знала покоя защищенности, как Англия и еще больше Америка. Ради своего великолепного внутривосточного развития Англия могла позволить себе десятки лет внешнеполитического бессилия и военной слабости. Из-за этого ее вовсе не завоевывали. Последнее вторжение было в 1066 году.

Такая страна, как Германия, которую не удерживают от распада ясные границы, была вынуждена создавать военные государства, чтобы вообще сохраниться как народность. Такую роль долгое время играла Австрия, потом Пруссия.

Особенность каждого такого государства и его военный характер накладывали свой отпечаток на остальную Германию, воспринимаясь всегда и как нечто чужое. Приходилось закрывать глаза на то, что внутри Германии, в сущности, всегда господствует надо всем хоть и немецкое, но чужое, или на то, что бессилие раздробленной страны отдает ее во власть иноземцев.

Поэтому не было никакой долговечной столицы, а были только временные центры. Вследствие того, что центры тяжести Германии менялись, каждый из них ощущала и признавала своим только какая-то часть Германии.

Не было фактически и духовного центра, где бы встречались все немцы. Наша классическая литература и философия тоже не были еще достоянием немецкого народа, а принадлежали маленькому образованному слою, простиравшемуся, однако, через все немецкие государственные границы до границ распространения немецкого языка. И даже внутри этого слоя не наблюдалось единодушия в вопросе о том, что считать великим.

Можно сказать, что географическое положение, с одной стороны, влекло за собой милитаризм с такими его последствиями, как всеобщий дух субординации, низкопоклонство, отсутствие внутренней свободы и демократического духа; с другой стороны, делало всякую государственную формацию явлением поневоле временным. Только при благоприятных обстоятельствах и необыкновенно разумных, недюжинных политиках государство могло какое-то время существовать. Один-единственный безответственный вождь мог привести государство и Германию к полной политической гибели.

Сколь ни верны в общих чертах все эти соображения, столь же важно для нас не видеть здесь абсолютной неизбежности. Какая сложится военная формация, найдутся ли мудрые вожди или нет, это из географического положения никоим образом не вытекает.

При сходном географическом положении, например, политическая энергия, солидарность и разумность римлян привели к совсем другим результатам, а именно к объединению Италии и в конце концов к мировой империи, правда, в итоге с уничтожением свободы. Изучение республиканского Рима крайне интересно (потому что показывает, как милитаристское развитие и империализм приводят демократический народ к потере свободы).

◆

ИЗУЧЕНИЕ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО
РИМА КРАЙНЕ ИНТЕРЕСНО
(ПОТОМУ ЧТО ПОКАЗЫВАЕТ,
КАК МИЛИТАРИСТСКОЕ
РАЗВИТИЕ И ИМПЕРИАЛИЗМ
ПРИВОДЯТ
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ НАРОД
К ПОТЕРЕ СВОБОДЫ).

◆

Если географические условия еще оставляют место свободе, то, мол, все решает данный народу от природы характер, а он, мол, вне категорий виновности и ответственности. Это не что иное, как способ делать неверные оценки, одно преувеличивая, а другое преуменьшая.

Что в природной основе нашего бытия есть нечто, каким-то образом воздействующее и на тончайшую духовность, — вполне вероятно. Но мы смеем сказать, что почти ничего не знаем об этом. Интуицию непосредственного впечатления, столь же очевидную, сколь и обманчивую, на миг убедительную, а на поверку ненадежную, никакое учение о расах не подняло на уровень настоящего знания.

Народный характер действительно рисуют всегда на примере каких-то выхваченных исторических фигур. Однако фигуры эти есть уже результат событий и созданной событиями обстановки. Они — это каждый раз группа фигур, которая только как некий тип существует среди других. В зависимости от обстановки могут выйти на свет совсем другие, вообще-то скрытые возможности характера. Природный характер наряду со способностями, вероятно, существует, но мы его просто не знаем.

Мы не смеем сваливать свою ответственность на него, мы, как люди, должны сознавать себя свободными для всяких возможностей.

2. Всемирно-историческая обстановка

Каково положение Германии в мире, что происходит в мире, как относятся другие к Германии — это для Германии тем существеннее, что ее незащищенное географическое положение в центре подвергает ее влияниям мира больше, чем другие европейские страны. Поэтому слова Ранке о приоритете внешней политики перед внутренней были справедливы для Германии, но не в общеисторическом смысле.

Я не стану разбирать политические связи последнего полувека. Они, конечно, важны для понимания того, что стало возможным в Германии. Я брошу взгляд только на внутренний, духовный феномен. Можно, вероятно, сказать: в Германии прорвалось то, что происходило во всем западном мире как кризис духа и веры.

Это не уменьшает вину. Ведь прорвалось-то в Германии, а не где-то еще. Но это освобождает от абсолютной изоляции. Это становится поучительно для других. Это касается каждого.

Определить эту критическую всемирно-историческую обстановку непросто: меньшая действенность христианской и библейской веры вообще; безверие, хватающееся за заменитель веры; общественные перемены, вызванные развитием техники и методами работы и естественным образом ведущие к социалистическим укладам, где вся масса населения, где каждый получит достойные человека права. Положение везде более или менее таково, что впору сказать: должно быть иначе. В такой обстановке наиболее пострадавшие, наиболее уверенные в своей неудовлетворенности люди склоняются к поспешным, опрометчивым, обманчивым, головокружительным решениям.

В процессе, охватившем весь мир, Германия совершила такой головокружительный прыжок в пропасть.

3. Вина других

Кто, заглянув в себя, еще не понял своей виновности, тот будет склонен обвинять обвинителей.

Склонность нанести ответный удар — это сейчас у нас, немцев, нередко признак того, что мы еще не поняли самих себя. Но в нашей катастрофе главный интерес каждого из нас — это ясность относительно себя самого. *Основать*

нашу новую жизнь на началах нашей сущности можно, только разглядев себя насквозь.

Это не значит, что нам не позволено видеть факты, глядя на другие государства, которым Германия в конечном счете обязана освобождением от гитлеровского ига и решениям которых вверена наша дальнейшая жизнь.

Мы должны и вправе уяснить себе, что в поведении других отягчило наше положение внутренне и внешне. Ведь то, что они сделали и сделают, идет от мира, где нам, в полной зависимости от него, нужно найти свой путь. Мы должны избегать иллюзий. Нам нельзя ни слепо все отклонять, ни слепо чего-то ждать.

Когда мы говорим о виновности других, само слово «виновность» может ввести в заблуждение. Если они своим поведением сделали возможным все, что произошло, то это политическая виновность. Рассуждая о ней, нельзя ни на минуту забывать, что она находится в другой плоскости, чем преступления Гитлера.

Два пункта кажутся нам существенными: политические действия победивших держав с 1918 года и присутствие этих держав при строительстве гитлеровской Германии:

1. Англия, Франция, Америка были державами, победившими в 1918 году. От них, а не от побежденных зависел ход мировой

истории. Победитель или берет на себя ответственность, лежащую только на нем, или уклоняется от нее. И если уклоняется, то его историческая виновность очевидна.

Победителю не положено замыкаться в своей узкой сфере, искать покоя и только наблюдать за происходящим в мире. У него есть власть, чтобы предотвратить событие, сулящее пагубные последствия. Неупотребление этой власти — политическая вина того, кто обладает ею. Если он ограничивается обвинениями на бумаге, значит, он уклоняется от своей задачи. Такое бездействие — это упрек победившим державам, который, однако, с нас вины не снимает.

Можно прояснить это, указав на Версальский мирный договор и его последствия, затем на скатывание Германии к состоянию, которое породило национал-социализм. Можно, далее, сослаться на терпимое отношение к вторжению японцев в Маньчжурию, первому акту насилия, который в случае удачи должен был подать пример, на терпимое отношение к абиссинской кампании 1935 года, к этому акту насилия со стороны Муссолини. Можно посетовать на политику Англии, которая резолюциями Лиги Наций в Женеве ставила Муссолини в безвыходное положение, но оставляла эти резолюции на бумаге, не имея ни воли, ни силы, чтобы действительно уничтожить

теперь Муссолини, но не проявляя и ясной радикальности, чтобы, наоборот, вступить с ним в союз и вместе с ним, медленно изменяя его режим, встать против Гитлера и обеспечить мир. Ведь тогда Муссолини был готов выступить вместе с западными державами против Германии, он еще в 1934 году провел мобилизацию и произнес забытую потом речь с угрозами Гитлеру, когда тот хотел вторгнуться в Австрию. Эта половинчатая политика привела затем к союзу Гитлер–Муссолини.

Но на это можно возразить: никто не знает, каковы были бы дальнейшие последствия при других решениях. И прежде всего: англичане ведут политику еще и моральную (что национал-социалистическое мышление учитывало даже как слабость Англии). Англичане не могут поэтому беспрепятственно принимать любое политически эффективное решение. Они хотят мира. Они хотят использовать все шансы, чтобы его сохранить, прежде чем принимать крайние меры. Лишь при явной безвыходности они готовы к войне.

2. Есть не только государственная, но также европейская и человеческая солидарность.

По праву или не по праву, но когда дверь тюрьмы под названием Германия захлопнулась, мы надеялись на европейскую солидарность.

Мы еще не предвидели последних страшных последствий. Но мы видели радикальную потерю свободы. Мы знали, что это дает простор произволу правителей. Мы видели несправедливость, видели отверженных, хотя это выглядело еще безобидно по сравнению с тем, что принесли позднейшие годы. Мы знали о концентрационных лагерях, еще не зная о творящихся там жестокостях.

Конечно, все мы в Германии виновны в том, что попали в такое политическое положение, что потеряли свою свободу и должны были жить под деспотией некультурных, грубых людей. Но мы могли в то же время в свое оправдание сказать себе, что пали жертвой скрытых правонарушений и актов насилия. Как в государстве пострадавший от преступления отстаивает свои права благодаря государственному порядку, так и мы надеялись, что европейский порядок не допустит таких государственных преступлений.

Не могу забыть один разговор у себя в квартире в мае 1933 года с одним своим другом*, позднее эмигрировавшим и живущим сейчас в Америке, разговор, в котором мы с надеждой и страстью обсуждали возможность скорого вторжения западных держав. Он сказал: если

---

* Это был философ Эрих Франк, скончавшийся в 1948 году, вскоре после того, как он, полный тоски по Европе, прибыл в Амстердам. — *Прим. авт.*

они будут выжидать еще год, Гитлер победит, Германия погибнет, погибнет, может быть, Европа.

В таком состоянии, подкошенные, а потому во многом прозорливые и в чем-то слепые, мы со все новым ужасом встречали следующие события.

В начале лета 1933 года Ватикан заключил конкордат с Гитлером. Переговоры вел Папен. Это было первое серьезное признание гитлеровского режима, сильно повысившее престиж Гитлера. Сначала это казалось невозможным. Но факт оставался фактом. Нас охватил ужас.

Все государства признали гитлеровский режим. Слышны были голоса восхищения.

В 1936 году в Берлине праздновалась Олимпиада. Весь мир хлынул туда. На каждого иностранца, там появлявшегося, мы могли смотреть только с болью, только с досадой из-за того, что он бросает нас на произвол судьбы, — но они так же не знали этого, как и многие немцы.

В 1936 году Рейнская область была оккупирована Гитлером. Франция стерпела это.

В 1938 году в *Times* было напечатано открытое письмо Черчилля Гитлеру, где попадались такие фразы: «Если Англия придет к национальной катастрофе, сравнимой с катастрофой Германии в 1918 году, я буду молить

В 1936 ГОДУ В БЕРЛИНЕ
ПРАЗДНОВАЛАСЬ
ОЛИМПИАДА. ВЕСЬ МИР
ХЛЫНУЛ ТУДА. НА КАЖДОГО
ИНОСТРАНЦА,
ТАМ ПОЯВЛЯВШЕГОСЯ,
МЫ МОГЛИ СМОТРЕТЬ
ТОЛЬКО С БОЛЬЮ, ТОЛЬКО
С ДОСАДОЙ ИЗ-ЗА ТОГО,
ЧТО ОН БРОСАЕТ НАС
НА ПРОИЗВОЛ СУДЬБЫ, —
НО ОНИ ТАК ЖЕ НЕ ЗНАЛИ
ЭТОГО, КАК И МНОГИЕ
НЕМЦЫ.

Бога послать нам человека Вашей силы воли и духа» (помню и сам, но цитирую по Рёпке).

В 1935 году Англия через Риббентропа заключила мирный пакт с Гитлером. Для нас это означало: Англия поступится немецким народом, если только сможет сохранить мир с Гитлером. Мы им безразличны. Они еще не взяли на себя ответственность за Европу. Они не только наблюдают за тем, как здесь растет зло, но и мирятся с ним. Они позволяют немцам увязнуть в террористическом милитаристском государстве. В их газетах, правда, слышна брань, но они палец о палец не ударяют. Мы в Германии бессильны. Сейчас они могут еще, вероятно без чрезмерных жертв, восстановить у нас свободу. Они этого не делают. Это будет иметь последствия и для них, будет стоить им гораздо больших жертв.

В 1939 году Россия заключила пакт с Гитлером. Благодаря этому война и стала в последнюю минуту возможна для Гитлера. А когда она началась, все нейтральные государства и Америка стояли в стороне. Мир отнюдь не сплотился, чтобы одним общим усилием быстро покончить с этой дьявольщиной.

Вот как характеризует Рёпке общую ситуацию 1933–1939 годов в своей вышедшей в Швейцарии книге о Германии:

Нынешняя мировая катастрофа — это огромная цена, которую мир платит за то, что пожелал быть глухим ко всем тревожным сигналам, все пронзительнее с 1930 по 1939 год возвецававшим тот ад, в который сатанинские силы национал-социализма ввергнут сначала Германию, а затем остальной мир. Ужасы этой войны точно соответствуют тем, которым мир попустительствовал в Германии, даже поддерживая нормальные отношения с национал-социалистами и организова с ними международные праздники и конгрессы. (...)

Сегодня каждому должно быть ясно, что немцы были первыми жертвами варварского нашествия, захлестнувшего их снизу, что они были первыми, на кого обрушились террор и массовый гипноз, и что все, что довелось претерпеть оккупированным странам, испытали сначала сами немцы, включая самое худшее: их вынудили или соблазнили стать орудиями дальнейшего захвата и угнетения.

Когда нас упрекают, что мы — при терроре — сложа руки смотрели, как творились преступления и как укреплялся режим, то это правда. Мы смеем представить себе, что другие — без террора — тоже сложа руки попустительствовали, даже неумышленно способствовали тому, что их, на их взгляд, поскольку происходило это в другом государстве, никак не касалось.

Должны ли мы признать, что виновны мы одни?

СЕГОДНЯ КАЖДОМУ ДОЛЖНО
БЫТЬ ЯСНО, ЧТО НЕМЦЫ
БЫЛИ ПЕРВЫМИ ЖЕРТВАМИ
ВАРВАРСКОГО НАШЕСТВИЯ,
ЗАХЛЕСТНУВШЕГО ИХ СНИЗУ,
ЧТО ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ,
НА КОГО ОБРУШИЛИСЬ
ТЕРРОР И МАССОВЫЙ
ГИПНОЗ, И ЧТО ВСЕ, ЧТО
ДОВЕЛОСЬ ПРЕТЕРПЕТЬ
ОККУПИРОВАННЫМ
СТРАНАМ, ИСПЫТАЛИ
СНАЧАЛА САМИ НЕМЦЫ,
ВКЛЮЧАЯ САМОЕ ХУДШЕЕ:
ИХ ВЫНУДИЛИ ИЛИ
СОБЛАЗНИЛИ СТАТЬ
ОРУДИЯМИ ДАЛЬНЕЙШЕГО
ЗАХВАТА И УГНЕТЕНИЯ.

Да, коль скоро речь идет о том, кто начал войну —

кто первый осуществил террористическую организацию всех сил ради одной цели — войны —

кто как народ отступился от своей сути, предал ее —

более того: кто совершил особые зверства, превосходящие все другие. Дуайт Макдональд говорит, что ужасные дела совершались всеми воюющими сторонами, но кое-что свойственно именно немцам: параноическая ненависть без какого бы то ни было политического смысла, жестокость мук, рационально достигаемая современными техническими средствами, которые превосходят все средневековые орудия пытки... Однако это были некоторые немцы, маленькая группа (при неопределенном проценте тех, кто способен был по приказу участвовать в зверствах). Немецкий антисемитизм ни на один миг не был народной акцией. В германских погромах население не участвовало, не было спонтанных жестокостей в отношении евреев. Народная масса молчала и отстранялась, а то и слабо выражала свое неодобрение.

Должны ли мы признать, что виновны мы одни? Нет, если нас в целом, как народ, как постоянную человеческую разновидность, делают просто злым народом, который виновен

как таковой. В опровержение этого мнения мира мы можем сослаться на факты.

Но такие разъяснения не опасны для нашей позиции только при условии, что мы не будем забывать того, что следует повторить еще раз:

1. Вся вина, которую можно возложить на других и которую они сами на себя возлагают, была не в преступлениях, совершенных гитлеровской Германией. Вина их была тогда в попустительстве, половинчатости, в политическом заблуждении.

То, что в результате противники и превратили лагеря для военнопленных в концентрационные лагеря и совершали такие же действия, какие первой совершала Германия, — это второстепенно. Здесь речь не о событиях после перемирия, не о том, что вытерпела Германия и что она еще после капитуляции вытерпит.

2. Задача наших рассуждений о виновности — проникнуть в смысл нашей собственной вины, даже и тогда, когда мы говорим о вине других.

3. Утверждение «Другие не лучше, чем мы», вероятно, справедливо. Но в данный момент оно применяется неверно. Ибо теперь, в эти прошедшие двенадцать лет, другие и в самом деле были лучше, чем мы. Не нужно общей

истиной сглаживать особую нынешнюю истину собственной вины.

4. Вина всех?

Когда по поводу противоречий политического поведения держав говорят, что таковы уж неизбежности политики, можно ответить: это общечеловеческая вина.

Представлять себе действия других нужно нам вовсе не для того, чтобы уменьшить свою вину, это оправдано разделяемой нами, как людьми, со всеми другими людьми заботой о человечестве, которое сегодня не только сознает свою целостность, но, вследствие технических достижений века, устраивает или расстраивает свою жизнь.

Тот основополагающий факт, что все мы люди, дает нам право на эту заботу о человечестве в целом. Каким это оказалось бы облегчением, если бы победители были не такими же, как мы, людьми, а самоотверженными правителями мира. Тогда бы они с мудрой предусмотрительностью наладили счастливое восстановление разрушенного, включая эффективное возмещение ущерба. Тогда бы они на деле и на собственном примере показали нам идеал демократической жизни, сделали бы его для нас убедительной, каждодневно ощутимой реальностью. Тогда они дружно

вели бы между собой разумную, откровенную, свободную от задних мыслей дискуссию, быстро и толково решая все возникающие вопросы. Тогда были бы невозможны ни обман, ни ханжество, ни умалчивания, ни различие между публичными и частными разговорами. Тогда наш народ получал бы прекрасное воспитание, бурно развивались бы умы всего нашего населения, мы овладевали бы богатым духовным наследием. Тогда с нами обращались бы строго, но и справедливо, проявляя доброту, даже любовь при малейшем знаке доброй воли со стороны несчастных и обманутых.

Но победители такие же люди, как мы. И в их руках будущее человечества. Как люди, мы всем своим существованием, всеми возможностями своего естества привязаны к тому, что они делают, и к последствиям их действий. Поэтому в наших же интересах понимать, чего они хотят, что думают и делают.

Забываясь об этом, мы спрашиваем себя: может быть, другие народы счастливее и в силу более благоприятных политических судеб? Может быть, они делают те же ошибки, что и мы, но пока без тех роковых последствий, которые столкнули нас в пропасть?

Они отказались бы выслушивать предостережения от нас, пропащих и несчастных. Они, наверно, этого не поймут и сочтут это даже наглостью, если немцы станут забо-

тяться о ходе истории, зависящем от них, а не от немцев. Но это так; нас гнетет кошмарная мысль: если в Америке когда-нибудь установится диктатура в стиле Гитлера, тогда конец, тогда безнадежность на необозримые времена. Мы в Германии могли быть освобождены извне. Когда приходит диктатура, освобождение изнутри невозможно. Если англосаксонский мир будет, как прежде мы, диктаторски завоеван изнутри, тогда никакого «извне» уже не будет. Тогда конец свободе, которую обрели в борьбе люди Европы и борьба за которую длилась столетия, даже тысячелетия. Снова воцарилась бы примитивность деспотизма, но технически оснащенного. Наверно, окончательно несвободным человек стать не может. Но это будет тогда утешение на очень отдаленное будущее. По Платону: в ходе бесконечного времени тут или там осуществляется или снова осуществляется то, что возможно. Мы со страхом смотрим на чувства морального превосходства: кто чувствует себя абсолютно застрахованным от опасности, тот уже в опасности. Судьба Германии — урок для всех. Пусть этот урок поймут! Мы — не худшая порода. Везде у людей сходные свойства. Везде есть склонное к насилию, преступное, энергичное меньшинство, которое при случае захватывает власть и действует грубо.

СУДЬБА ГЕРМАНИИ —
УРОК ДЛЯ ВСЕХ. ПУСТЬ
ЭТОТ УРОК ПОЙМУТ!
МЫ — НЕ ХУДШАЯ ПОРОДА.
ВЕЗДЕ У ЛЮДЕЙ СХОДНЫЕ
СВОЙСТВА. ВЕЗДЕ ЕСТЬ
СКЛОННОЕ К НАСИЛИЮ,
ПРЕСТУПНОЕ, ЭНЕРГИЧНОЕ
МЕНЬШИНСТВО, КОТОРОЕ
ПРИ СЛУЧАЕ ЗАХВАТЫВАЕТ
ВЛАСТЬ И ДЕЙСТВУЕТ ГРУБО.

Нас вполне может озаботить самоуверенность победителей. Ведь отныне вся решающая ответственность за ход вещей лежит на них. Это их дело — предотвратить вину или накликать новые беды. То, что может теперь стать их виной, было бы одинаковой бедой для нас и для них. Теперь, когда речь идет о человечестве в целом, их ответственность за их поступки растет. Если цепь эта не прервется, победители окажутся в таком же положении, как мы, но с ними и все человечество. Близорукость человеческого мышления, особенно в виде общественного мнения, которая всегда все затопляет собой, чрезвычайно опасна. Орудия Бога не суть Бог на земле. Платить злом за зло, тем более узникам, а не только тюремщикам, — это значит вызывать злость и готовить новую беду.

Прослеживая свою собственную вину до ее истоков, мы обнаруживаем человеческие свойства, обернувшиеся в немецкой форме особой, чудовищной виновностью, но возможные в человеке как в таковом.

Когда заходит речь о немецкой вине, случается, говорят: это вина всех, скрытое везде зло виновно в том, что оно вырвалось наружу у немцев.

Мы действительно прибегли бы к ложному оправданию, если бы пытались уменьшить свою вину ссылкой на принадлежность к роду

ВОПРОС О ПЕРВОРОДНОМ
ГРЕХЕ НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ
ЛАЗЕЙКОЙ ДЛЯ УХОДА
ОТ НЕМЕЦКОЙ ВИНЫ.
ЗНАТЬ О ПЕРВОРОДНОМ
ГРЕХЕ — ЕЩЕ НЕ ЗНАЧИТ
ПОНИМАТЬ НЕМЕЦКУЮ
ВИНУ. НО РЕЛИГИОЗНОЕ
ПРИЗНАНИЕ ПЕРВОРОДНОГО
ГРЕХА НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ
ПРИКРЫТИЕМ ЛОЖНОГО
ПРИЗНАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ
ВИНОВНОСТИ НЕМЦЕВ,
С НЕЧЕСТНОЙ НЕЯСНОСТЬЮ
ВЫДАЮЩЕГО ОДНО
ЗА ДРУГОЕ.

человеческому. Такая мысль не смягчает, а усугубляет вину.

Вопрос о первородном грехе не должен быть лазейкой для ухода от немецкой вины. Знать о первородном грехе — еще не значит понимать немецкую вину. Но религиозное признание первородного греха не должно быть прикрытием ложного признания коллективной виновности немцев, с нечестной неясностью выдающего одно за другое.

Мы не стремимся обвинять других. Но, наученные опытом увязших, очнувшихся и опомнившихся, мы думаем: пусть бы другие не шли такими путями.

Теперь начался новый период истории. Отныне за то, что будет, несут ответственность державы-победительницы.

МЫ НЕ СТРЕМИМСЯ
ОБВИНЯТЬ ДРУГИХ.
НО, НАУЧЕННЫЕ ОПЫТОМ
УВЯЗШИХ, ОЧНУВШИХСЯ
И ОПОМНИВШИХСЯ,
МЫ ДУМАЕМ: ПУСТЬ БЫ
ДРУГИЕ НЕ ШЛИ ТАКИМИ
ПУТЯМИ.

III. Наше очищение

Самоанализ, историческое самоосмысление народа и личный самоанализ отдельного человека с виду разные вещи. Однако первое достигается лишь через второе. То, что совершают друг с другом в процессе общения отдельные люди, может, если это справедливо, стать распространенным сознанием многих и считается тогда самосознанием народа.

И опять мы должны высказаться против коллективного мышления. Всякая настоящая перемена происходит через отдельных людей, во множестве отдельных людей, вне зависимости друг от друга или в побудительном обмене мнениями.

Мы, немцы, все, хотя и на очень разный, даже противоположный лад, задумываемся о своей виновности или невиновности. Мы все это делаем — и национал-социалисты, и противники национал-социализма. Говоря «мы», я имею в виду людей, с которыми я сознаю свою солидарность прежде всего благодаря языку, происхождению, ситуации, судьбе. Я никого не хочу обвинять, когда говорю «мы». Если другие немцы чувствуют себя невиновными, это их дело, за исключением двух пунктов: наказания за преступления тех, кто их совершил, и всеобщей политической

ответственности за действия гитлеровского государства. Те, кто чувствует себя невиновными, будут предметом нападков лишь в том случае, если будут нападать сами. Если они, продолжая мыслить национал-социалистически, отказывают нам в немецкости, если они, вместо того чтобы задуматься и прислушаться к доводам, стараются слепо побить других общими суждениями, то они разрушают солидарность, не хотят проверить себя и развить в разговоре друг с другом.

Естественный, непатетический, взвешенный взгляд на вещи — не редкость среди населения. Вот примеры простых высказываний.

Восьмидесятилетний ученый: «Никогда я за эти двенадцать лет не колебался, но никогда я не был доволен собой; я то и дело задумывался, нельзя ли перейти от чисто пассивного сопротивления нацистам к действию. Организация Гитлера была слишком дьявольской».

Молодой антинацист: «Ведь и нам, противникам национал-социализма, после того как мы, хоть и скрежеща зубами, склонились перед “режимом страха”, нужно очиститься. Мы отмежевываемся от фарисейства тех, кто думает, что отсутствие партийного значка делает их первоклассными людьми».

Служащий во время денацификации: «Если я позволил загнать себя в партию, если мне жилось относительно хорошо, если я устро-

«ЕСЛИ Я ПОЗВОЛИЛ ЗАГНАТЬ
СЕБЯ В ПАРТИЮ, ЕСЛИ МНЕ
ЖИЛОСЬ ОТНОСИТЕЛЬНО
ХОРОШО, ЕСЛИ Я УСТРОИЛСЯ
В НАЦИСТСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ И СТАЛ,
ТАКИМ ОБРАЗОМ, ИЗВЛЕКАТЬ
ИЗ НЕГО ПОЛЬЗУ — ДАЖЕ
ЕСЛИ ТЕПЕРЬ Я ИЗ-ЗА ЭТОГО
ПОСТРАДАЮ, ЖАЛОВАТЬСЯ Я,
КАК ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК,
НЕ ВПРАВЕ».

ился в нацистском государстве и стал, таким образом, извлекать из него пользу — даже если теперь я из-за этого пострадаю, жаловаться я, как порядочный человек, не вправе».

1. Увиливание от очищения

а) Взаимные обвинения

Мы, немцы, очень отличаемся друг от друга по характеру и степени участия в национал-социализме или сопротивления ему. Каждый должен задуматься о своем внутреннем и внешнем поведении в поисках своего возрождения в этом кризисе немецкого.

Очень различен у отдельных лиц и момент, когда началась эта внутренняя переплавка, в 1933-м ли, в 1934-м, после убийств 30 июня, с 1938-го ли, после поджога синагог, или только во время войны, или только под угрозой поражения, или только после разгрома.

Во всем этом мы, немцы, не можем привести себя к общему знаменателю. При своих исходных различиях мы должны быть открыты друг другу. Общий знаменатель — это, наверно, только подданство. Тут все вместе отвечают за то, что допустили 1933 год и не умерли. Это объединяет также внешнюю и внутреннюю эмиграцию.

Такие большие различия позволяют чуть ли не всем упрекать всех. Это продолжается до тех

пор, пока отдельный человек действительно видит только свое собственное положение и положение подобных ему, а о положении других судит только по себе. Поразительно, что по-настоящему мы волнуемся только тогда, когда дело касается только нас самих, и все видим в свете своего особого положения. Мы приходим в отчаяние, когда нас покидает терпение в разговоре друг с другом и когда мы встречаем холодный и резкий отпор.

В прошлые годы встречались немцы, требовавшие от нас, других немцев, чтобы мы стали мучениками. Мы, мол, не должны молча мириться с происходящим. Если наш поступок и не будет иметь успеха, то все же послужит некоей нравственной опорой для всего населения, зримым символом подавленных сил. Такого рода упреки случалось мне слышать с 1933 года от своих друзей, и от мужчин и от женщин.

Подобные требования вызывали сильное волнение потому, что в них заключена глубокая правда, которая, однако, обидно извращена манерой ее выражения. То, что человек может испытать перед лицом трансценденции наедине с собой, переводится в плоскость морализирования, а то даже и сенсации. Тишина и благоговение потеряны.

Скверным примером ухода во взаимные обвинения являются ныне всяческие дискуссии

между эмигрантами и оставшимися здесь, между группами, именуемыми иногда внешней и внутренней эмиграцией. Каждая страдала по-своему. Эмигрант: мир чужого языка, тоска по дому. Символичен рассказ о немецком еврее в Нью-Йорке, повесившем у себя в комнате портрет Гитлера. Почему? Только при таком ежедневном напоминании об ужасе, который ждет его дома, он в состоянии совладать со своей тоской... Оставшийся на родине: покинутость, положение изгоя в собственной стране, опасности, одиночество в беде, все избегают тебя, кроме некоторых друзей, обременять которых — для тебя опять-таки мука... Но когда одни обвиняют других, нам достаточно спросить себя: хорошо ли у нас на душе при виде психологического состояния и тона таких обвинителей, рады ли мы, что такие люди так чувствуют, образец ли они, есть ли в них что-то похожее на подъем, свободу, любовь, которые нас ободряют? Если нет, значит, неверно то, что они говорят.

б) Самоуничижение и упрямство

Мы чувствительны к упрекам и всегда готовы упрекать других. Нам не хочется давать в обиду себя, но мы еще как раздаем моральные оценки другим. Даже тот, кто виновен, не хочет, чтобы ему говорили об этом. Вплоть

до мелочей быта мир полон отношений, порождающих беды.

Кто очень обижается на упреки, у того обида легко может перейти в стремление признать свою вину. У таких признаний — ложных, потому что они сами еще инстинктивны и делаются с удовольствием, — есть одна явная черта: поскольку их, как и их противоположность, питает у одного и того же человека одно и то же стремление к власти, чувствуется, что признающий свою вину хочет своим признанием повисить себе цену, выделиться среди других. Его признание вынуждает к признанию других. В таком признании есть агрессивность.

Поэтому первое требование философского подхода к вопросам виновности — это внутренний расчет с самим собой, гасящий одновременно и чувствительность к упрекам, и стремление признать себя виновным.

Сегодня этот феномен, описанный мною психологически, переплелся с серьезностью нашего немецкого вопроса. Наша опасность — самоуничижительные причитания при признании вины и упрямая замкнутость гордости.

Многих соблазняет их сиюминутный житейский интерес, им кажется выгодным признать свою вину. Возмущение мира нравственно порочной Германией соответствует их готов-

ности признать себя виновными. Могущественного встречают лестью. Хочется сказать то, что он желает услышать. К этому прибавляется фатальная склонность полагать, что, признав себя виновным, ты становишься лучше других. Саморазоблачаясь, ты нападаешь на других, которые этого не делают. Позорность таких дешевых самообвинений, бессовестность мнимо выгодной лести очевидна.

Иное дело — упрямая гордость. Из-за нравственных атак на тебя как раз и коснешься. Хочется сохранить чувство собственного достоинства при мнимой внутренней независимости. Но ее-то и нельзя достичь, если у тебя нет ясности в главном, решающем.

Главное же заключено в том вечном основополагающем феномене, который сегодня в новом виде опять налицо: кто, будучи полностью побежден, предпочитает жизнь смерти, тот может жить по правде (а правда — единственное, что сохраняет ему человеческое достоинство) только в том случае, если он выберет эту жизнь с сознанием смысла, в ней содержащегося.

Решение жить в бессилии — это акт основополагающей для жизни серьезности. Из него следует перемена, видоизменяющая все оценки. Если он совершается, если ты берешь на себя его последствия, готов страдать и трудиться, то в этом, может быть,

состоит высшая возможность человеческой души. Ничего не достается даром. Ничто не приходит само собой. Только если ясно, что это решение — начало, можно избежать извращений самоуничужения и гордого упрямства. Очищение ведет к ясности этого решения и к ясности его последствий.

Если одновременно с побежденностью появляется виновность, надо принять не только бессилие, но и вину. А из того и другого вместе должна получиться та переплавка, которой человеку не хочется подвергаться.

Гордое упрямство находит множество точек зрения, выпренности, громких фраз, чтобы создать себе иллюзию, позволяющую гордо упорствовать. Например:

Переиначивается смысл необходимости отвечать за случившееся. Дикая склонность «не отречься от нашей истории» позволяет скрытно одобрять зло, находить в нем добро, таить его в душе как гордую цитадель. Такое извращение смысла сделало возможным фразы вроде следующих: «Мы должны знать, что еще несем в себе изначальную силу той воли, которой создано наше прошлое, и на этом стоять и вобрать это в свою жизнь... Мы были добром и злом и хотим остаться добром и злом... и мы сами — это всегда только наша история, силу которой мы носим в себе...» «Пиетет» должен заставить молодое

поколение Германии снова стать таким, каким было предшествующее.

Упрямство в облачении пиетета путает здесь историческую почву, в которую уходят наши любимые корни, со всей совокупностью реальностей общего прошлого, многие из которых мы, в сущности, не только не любим, но и отвергаем как чуждые нашей сути.

При признании зла злом возможны такие фразы: «Мы должны стать настолько мужественными, настолько крупными, настолько мягкими, чтобы сказать: да, и этот ужас был нашей действительностью и остается ею, но у нас есть сила все-таки претворить его в себе в творческий труд. Мы знаем в себе ужасную возможность, которая однажды в бедственном заблуждении осуществилась. Мы любим и уважаем все свое историческое прошлое, этот пиетет и эта любовь больше, чем всякая отдельная историческая вина. Мы носим этот вулкан в себе с отвагой знания, что он может нас разорвать, но с убежденностью, что если мы сумеем его укротить, то тогда-то как раз и откроется нам предел нашей свободы: в опасной силе такой возможности осуществить то, что в единении со всем миром будет общечеловеческим подвигом нашего духа».

Это соблазнительный призыв — он рожден плохой философией иррационализма —

без всякого решения довериться экзистенциальной нивелировке. «Укротить» слишком мало. Нужен «выбор». Если он не будет сделан, сразу же возможно снова упрямство зла, непременно ведущее к *ressa fortiter**. Не понимают, что на почве зла возможно только иллюзорное единение.

Другая разновидность гордого упрямства одобряет весь национал-социализм с эстетической точки зрения, делающей из беды, на которую нужно смотреть трезво, из явного зла некое ложное, одурманивающее великолепие.

Весной 1932 года один немецкий философ пророчествовал, что через десять лет политически управлять миром будут только из двух полюсов — Москвы и Вашингтона; что Германия, находясь между ними, утратит свое геополитическое значение и будет существовать только как духовная сила.

Немецкая история, для которой поражение 1918 года в то же время открыло виды на большую консолидацию, даже на создание наконец великой Германии, восстала против этой напророченной и действительно появившейся тенденции упростить мир, свести его к двум полюсам. Немецкая история собралась с силами для одинокого титанического

---

* *Грехи вовсю (лат.).*

и своевольного рывка против этой мировой тенденции, чтобы все-таки достичь своих национальных целей.

Если то пророчество немецкого философа, устанавливавшее для начала американско-русского мирового господства срок только в десять лет, было верно, то быстроту, скоропалительность и насильственность немецкого противодействия можно понять; это была быстрота внутренне осмысленного и захватывающего, но исторически уже запоздалого бунта. В прошедшие месяцы мы видели, как эта быстрота перешла под конец в одинокое неистовство... Философ выносит приговор похода: немецкая история кончилась, теперь начинается эра Вашингтона—Москвы. История, в которой столько величия и тоски, как в немецкой, не может просто поддакивать такому академическому решению. Она вспыхивает, она, яростно защищаясь и атакуя, в диком смятении веры и ненависти, бросается к своему концу.

Так летом 1945 года в сумятице мрачных чувств писал один автор, которого я как человека глубоко уважаю.

Все это на самом деле не очищение, а дальнейшее увязание. Такие мысли — в них есть и самоуничужение, и упрямство — дают на миг чувство как бы освобождения. Кажется, что ты обрел почву под ногами, а ты, наоборот,

попал в безвыходное положение. Тут возрастает лишь мутность чувств, еще больше сопротивляясь возможностям подлинной внутренней перемены...

Всем разновидностям упрямства присуще агрессивное молчание. Люди ретируются, когда доводы становятся неопровержимыми. Чувство собственного достоинства они черпают в молчании как последней силе бессильного. Молчание демонстрируют, чтобы обидеть сильного. Молчание скрывают, чтобы мечтать о восстановлении прежнего — о политическом восстановлении путем захвата власти, хотя она и смешна в руках тех, кто непричастен к гигантской мировой военной промышленности, производящей орудия уничтожения, о психологическом восстановлении путем самооправдания, не признающего никакой вины: мол, судьба решила дело не в мою пользу; причина в бессмысленном материальном перевесе; поражение было почетным; в душе я лелею свою верность и свой героизм. Но при такой позиции только усиливается внутренний яд иллюзионистического мышления и пьянящего предвкушения: «пока еще не кулаками и пинками...», «в тот день, когда мы...».

**в) Увиливание со ссылкой
на обстоятельства, вообще-то
имеющие место, но для вопроса
о виновности несущественные**

Видя собственное бедственное положение, многие думают: помогите, но не говорите о наказании. Огромное бедствие извиняет. Мы слышим, например:

«Разве забыт террор бомбежек? Разве он, стоивший миллионам невинных жизни, здоровья и всего имущества, не есть плата за преступление на немецкой земле? Разве не обезоруживает вопиющее к небу горе беженцев?»

«Я из Южного Тироля, приехала в Германию совсем молодой 30 лет назад. Страдания немцев я разделяла с первого до последнего дня, получала удар за ударом, приносила одну жертву за другой, испила горькую чашу до дна, а теперь меня обвиняют в том, чего я вовсе не совершала».

«Беда, обрушившаяся на весь народ, так огромна, принимает такие невероятные размеры, что лучше не сыпать соль на раны. А сколько невинных пострадали больше, чем того, может быть, требует справедливая кара».

Беда действительно апокалиптична. Все жалуются, и по праву: те, кто избежал концлагеря или преследования, и те, кто помнит ужасные муки; те, кто самым жестоким образом

потерял своих любимых; миллионы эвакуированных и беженцев, скитающиеся почти без всякой надежды; многие попутчики партии, выявляемые теперь и оказавшиеся в бедственном положении; американцы и другие союзники, отдавшие годы жизни и потерявшие миллионы погибших; европейские народы, измученные террором национал-социалистической немецкой власти; немецкие эмигранты, которые должны жить в среде чужого языка и в тяжелейших условиях. Все, все.

Перечисляя жалующихся, я поставил рядом разнообразные группы, чтобы почувствовалось их несоответствие друг другу. Беда как беда, как разруха — повсюду, но она совершенно различна по обстоятельствам, с которыми она связана. Несправедливо объявлять всех равно невиновными.

В целом остается в силе, что мы, немцы, хоть теперь и оказались в самом бедственном положении среди народов, несем и самую большую ответственность за ход событий до 1945 года.

Поэтому нам, каждому в отдельности, не следует просто-напросто отмахиваться от вины, жалеть себя как жертву какого-то рока, ждать награды за свои страдания, а надо спросить, безжалостно разглядев себя на просвет: где я неверно чувствовал, неверно думал, неверно поступал? Надо как можно

основательнее искать вину в себе, а не в других и не в обстоятельствах, не надо уваливать, ссылаясь на свои беды. Это вытекает из решения начать новую жизнь.

г) Уваливание со ссылкой на общую участь

Это будет обманчивое облегчение, если я сам, как отдельное лицо, перестану что-либо для себя значить, потому, мол, что все случившееся навалилось на меня, а я ничему не содействовал, и потому лично на мне никакой вины нет. В таком случае я сам живу, только бессильно терпя или бессильно участвуя. Я уже не живу самостоятельно. Вот несколько примеров:

1. Моральное толкование истории позволяет ждать справедливости в целом: «Нет вины без воздаянья»*.

Я знаю, что нахожусь во власти тотальной виновности, при которой мои собственные поступки уже не играют роли. Если я проигрываю, меня успокаивает метафизическая безвыходность в целом. Если выигрываю, то к моему успеху прибавляется еще и чистая совесть моего превосходства. Тенденция не принимать себя всерьез как индиви-

---

* Цитата из стихотворения Гёте. Букв.: «Всякая вина на земле мстит за себя». — *Прим. пер.*

ПОЭТОМУ НАМ,
КАЖДОМУ В ОТДЕЛЬНОСТИ,
НЕ СЛЕДУЕТ ПРОСТО-
НАПРОСТО ОТМАХИВАТЬСЯ
ОТ ВИНЫ, ЖАЛЕТЬ СЕБЯ КАК
ЖЕРТВУ КАКОГО-ТО РОКА,
ЖДАТЬ НАГРАДЫ ЗА СВОИ
СТРАДАНИЯ, А НАДО
СПРОСИТЬ, БЕЗЖАЛОСТНО
РАЗГЛЯДЕВ СЕБЯ НА ПРОСВЕТ:
ГДЕ Я НЕВЕРНО ЧУВСТВОВАЛ,
НЕВЕРНО ДУМАЛ, НЕВЕРНО
ПОСТУПАЛ?

дуум парализует нравственные импульсы. Гордость покорного признания себя виновным в одном случае становится, как и гордость нравственной победы в другом, увиливанием от подлинно человеческой задачи, которая заключена всегда в индивидууме.

Но этот огульно-моральный подход к истории опровергается опытом. Ход вещей вовсе не однозначен. Солнце светит и праведным, и неправедным. Между распределением счастья и нравственностью нет видимой связи.

Однако было бы неверным, огульным суждением противоположного рода сказать, наоборот: справедливости нет.

Верно, глядя на состояние и действия государства, иной раз нельзя отделаться от чувства: «Это не может кончиться добром», «За это придется расплачиваться». Но как только это чувство начинает уповать на справедливость, тут-то и возникает ошибка. Уверенным быть нельзя. Добро и правда не приходят сами собой. В большинстве случаев ущерб не возмещается. Гибель и месть обрушиваются как на виновных, так и на невиновных. Самая чистая воля, самая безудержная правдивость, самое высокое мужество могут при неблагоприятной ситуации остаться втуне. А пассивные наблюдатели незаслуженно оказываются порой благодаря поступку других в благоприятной ситуации.

Мысль о всеобщей виновности и своей включенности в связь «вина — возмездие» становится для индивидуума — несмотря на метафизическую правду, в этой мысли, может быть, и содержащуюся, — соблазном увильнуть от того, что только и есть целиком его собственное дело.

2. Общий взгляд, что, собственно, все на свете приходит к концу, что любое начинание кончается провалом, что во всем таится зародыш гибели, низводит эту неудачу со всякой другой неудачей, подлость с благородством на общую плоскость провала. Так эта неудача лишается своего веса.

3. Собственной беде, которую толкуют как следствие виновности всех, придают метафизический вес, видя в ней новую избранность: в катастрофе века Германия — искупительная жертва. Она страдает за всех. Через нее проявляется всеобщая вина и совершается возмездие всем.

Это ложная патетика, которая опять-таки уводит от трезвой задачи делать то, что действительно в твоих силах: то есть от задачи осязаемых улучшений и от внутреннего преобразования. Это уход в «эстетику», ни к чему не обязывающий и потому уводящий от того, что должен самостоятельно осуществить

отдельный человек. Это средство создать себе новым путем ложное коллективное чувство собственной важности.

4. Кажется, что мы освобождаемся от вины, когда при виде свалившихся на нас, немцев, огромных бед восклицаем: расплатились!

Тут надо различать вот что. Наказание можно отбыть, политическая ответственность ограничивается и тем самым прекращается мирным договором. В отношении обоих этих пунктов такая мысль содер­жательна и верна. Но моральную и метафизическую вину, которую в коллективе каждый в отдельности только и считает своей, искупить, по сути, нельзя. Она не прекращается. Кто несет ее, тот вступает в процесс, длящийся всю его жизнь.

Мы, немцы, стоим здесь перед альтернативой. Либо признание вины, которую остальной мир не имеет в виду, но о которой нам говорит наша совесть, станет главной чертой нашего немецкого самосознания — и тогда наша душа пойдет путем преображения. Либо мы опустимся в заурядность безразличного существования; изначальный импульс в нашей среде уже не проснется; тогда нам уже не откроется, что есть, собственно, бытие; тогда мы уже не услышим трансцендентного смысла нашей высокой поэзии, нашего искусства, музыки, философии.

НАКАЗАНИЕ МОЖНО
ОТБЫТЬ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ОГРАНИЧИВАЕТСЯ И ТЕМ
САМЫМ ПРЕКРАЩАЕТСЯ
МИРНЫМ ДОГОВОРОМ.

(...) НО МОРАЛЬНУЮ
И МЕТАФИЗИЧЕСКУЮ ВИНУ,
КОТОРУЮ В КОЛЛЕКТИВЕ
КАЖДЫЙ В ОТДЕЛЬНОСТИ
ТОЛЬКО И СЧИТАЕТ
СВОЕЙ, ИСКУПИТЬ,
ПО СУТИ, НЕЛЬЗЯ.

ОНА НЕ ПРЕКРАЩАЕТСЯ.
КТО НЕСЕТ ЕЕ, ТОТ ВСТУПАЕТ
В ПРОЦЕСС, ДЛЯЩИЙСЯ
ВСЮ ЕГО ЖИЗНЬ.

Без пути очищения, идущего из глубинного сознания своей вины, немцу не добыть правды.

2. Путь очищения

Очищение означает на практике прежде всего возмещение ущерба.

Политически это значит с внутренним согласием выполнять те повинности, которые облечены в юридическую форму, чтобы ценой наших собственных лишений восстановить народам, подвергшимся нападению гитлеровской Германии, часть разрушенного.

Кроме юридической формы, обеспечивающей справедливое распределение бремени, исполнение этих повинностей предполагает жизнь, работоспособность и возможность работы. Политическая воля к восстановлению ущерба неизбежно идет на убыль, если политическое поведение победителей уничтожает перечисленные предпосылки. Ибо тогда получился бы не мир, смысл которого — возместить ущерб, а продолжение войны в смысле дальнейшего разрушения.

Возмещение ущерба — это, однако, нечто большее. Кто внутренне задет виной, к которой он причастен, тот хочет помочь каждому, кто пострадал от произвола незаконного режима.

Есть две мотивации, которые нельзя путать: требование помочь там, где беда, — неважно из-за чего, просто потому, что она близко и нужна помощь, — и, во-вторых, требование признать право за депортированными, ограбленными, обобранными, замученными гитлеровским режимом, за эмигрантами.

Оба требования вполне справедливы, но есть разница в мотивации. Если нет чувства вины, то все беды сразу нивелируются, оказываются в одной и той же плоскости. Необходима дифференциация пострадавших, если я хочу поправить то, в чем виновен и я.

Очищение через возмещение ущерба неизбежно. Но очищение есть нечто гораздо большее. Да и возместить ущерб серьезно хотят только тогда, и только тогда возмещение ущерба приобретает этический смысл, если оно есть следствие нашей очистительной переплавки.

Уяснение вины есть в то же время уяснение нашей новой жизни и ее возможностей. Оно рождает серьезность и решимость.

Там, где это происходит, жизнь уже не просто источник чистого, беззаботного наслаждения. Хотя счастье бытия, когда оно выпадает, в какое-то промежуточное мгновение, в какой-то миг передышки, мы и ощутим, но оно не заполнит бытие, а воспримется на фоне печали как милое волшебство. Жить

позволено лишь в поглощенности некой задачей.

Следствие — смирение. Во внутреннем поведении перед трансцендентностью осознается наша человеческая брэнность и незавершенность.

Тогда мы сможем без властности, в любовном борении выяснить истину и объединиться друг с другом в ней.

Тогда мы сможем неагрессивно молчать — из простоты молчания родится ясность поддающегося передаче словами.

Тогда нужны будут только правда и деятельность. Не кривя душой, мы будем готовы вынести то, что нам суждено. Что бы ни случилось, останется в силе, пока мы живы, та человеческая задача, которую на земле выполнить до конца нельзя.

Очищение — это путь человека как человека. Очищение через развитие мысли о виновности есть лишь момент этого пути. Очищение совершается проще всего не с помощью внешних действий, не с помощью магии. Очищение — это процесс внутренний, никогда не кончающийся, это постоянное становление. Очищение — это дело нашей свободы. Снова и снова каждый из нас оказывается на распутье: либо к очищению, либо в муть.

Очищение не есть одно и то же для всех. Каждый идет своим личным путем. Путь этот

никто другой не может ни предвосхитить, ни указать. Общие мысли могут лишь настояжить, возможно, разбудить.

Если мы, наконец, спросим, в чем же состоит очищение, то сверх сказанного никаких других конкретных указаний дать нельзя. Где что-то не реализуется как цель разумной воли, а происходит как изменение благодаря внутренней деятельности, там можно только повторять неопределенные, расплывчатые слова: порыв просветить и увидеть себя насквозь — любовь к человеку.

Что касается вины, то тут один из путей — продумать изложенные выше мысли. Их нужно не только отвлеченно постичь разумом, но и представить себе наглядно; их нужно вообразить, усвоить или отвергнуть собственным естеством. Этот процесс и то, что из него следует, есть очищение. Оно не есть еще что-то новое в конце, дополнительное...

Очищение — это условие и нашей политической свободы. Ибо лишь из сознания виновности возникает сознание солидарности и собственной ответственности, без которого невозможна свобода. Политическая свобода начинается с того, что в большинстве народа отдельный человек чувствует и себя ответственным за политику своего общества; что он не только чего-то требует и кого-то ругает; что он заставляет себя видеть реальность

и не основывать свои действия на неуместной в политике вере в земной рай, который не осуществился только по злой воле и глупости остальных; что он знает: политика ищет в конкретном мире проходимых путей, руководствуясь идеалом, отождествляющим звание человека со свободой.

Короче: без очищения души нет политической свободы...

Сколь далеко мы зашли во внутреннем очищении на почве сознания своей вины, мы можем судить по нашему отношению к моральным атакам на нас.

Без сознания вины нашей реакцией на каждую атаку останется контратака. Но если мы потрясены внутренне, то атака извне задевает нас лишь поверхностно. Она может причинить боль и обидеть, но она не проникает в глубину души.

Проникшись сознанием вины, мы спокойно переносим ложные и несправедливые обвинения. Ибо наша гордость и наше упрямство сошли на нет.

Кто действительно чувствует свою вину так, что меняется его мировосприятие, на того упреки со стороны других людей действуют как безобидная детская забава. Где подлинное сознание вины колет как жало, там само-сознание поневоле преобразуется. Слушая такие упреки, с тревогой чувствуешь непосвященность и неосведомленность упрекающего.

Без озарения и преображения нашей души чувствительность в беззащитном бессилии лишь возрастала бы. Яд психологических изменений губил бы нас внутренне. Мы должны быть готовы принимать упреки и, выслушав, проверять их. Атак на себя мы должны скорее искать, чем избегать, потому что они для нас — проверка нашего собственного мышления. Проявится наша внутренняя позиция.

Очищение освобождает нас. Ход вещей — не в руках человеческих, хотя человек и может зайти в управлении своей жизнью непредсказуемо далеко.

Поскольку неопределенность и возможность новой и большей беды сохраняется, поскольку из преображения через сознание своей вины вовсе не вытекает, как естественное следствие, вознаграждение новым счастьем бытия, поэтому освободиться через очищение мы можем только для готовности к будущему.

Чистая душа может действительно ждать, что перед лицом полной гибели она будет без усталости трудиться в мире во имя возможного.

Глядя на мировые события, нам полезно вспомнить Иеремию. Когда ему после разрушения Иерусалима, после потери государства и земли, после того, как его насильно увели с собой последние уходившие в Египет евреи, — когда после всего этого ему еще

довелось увидеть, как они приносят жертвы Изиде в надежде, что та поможет им больше, чем Ягве, ученик Иеремии, Варух, пришел в отчаяние. И тогда Иеремия сказал ему: «Так говорит Ягве: вот, что я построил, разрушу, и что насадил, искореню, а ты просишь себе великого. Не проси!» Что это значит? Достаточно того, что есть Бог. Если все исчезнет, есть Бог, это единственная точка опоры.

Но что верно перед лицом смерти, в крайних обстоятельствах, то становится скверным соблазном, если человек преждевременно предается усталости, нетерпению, отчаянию. Ибо верна эта пограничная позиция только тогда, когда она подкреплена непоколебимой разумностью, готовностью воспользоваться еще возможным, пока продолжается жизнь. Смирение и соблюдение меры — вот наша участь.

УЯСНЕНИЕ ВИНЫ
ЕСТЬ В ТО ЖЕ ВРЕМЯ
УЯСНЕНИЕ НАШЕЙ
НОВОЙ ЖИЗНИ
И ЕЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.
ОНО РОЖДАЕТ
СЕРЬЕЗНОСТЬ
И РЕШИМОСТЬ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ 1963 ГОДА К МОЕЙ СТАТЬЕ «ВОПРОС О ВИНОВНОСТИ»

Статья писалась в 1945 году, в январе и феврале 1946 года изложена в лекциях и затем опубликована. При чтении нужно помнить о том времени, когда она писалась. Град обвинений сыпался на нас, немцев, ежедневно. Американским солдатам запрещалось говорить с нами, кроме как по служебной надобности. Только теперь открылись всему народу преступления национал-социалистической Германии. Я тоже не знал о такой планомерности и таком объеме преступлений. Одновременно стала необычайно тяжелой повседневная жизнь — и у оставшихся дома, и у военнопленных, которых теперь угоняли на чужбину, и у беженцев. Царили растерянность и молчание, скрытая злоба, а короткое время и просто отупение. Многие старались добиться у победителей каких-то преимуществ для себя. С горем соседствовала бесцеремонность. Солидарность в семье и между друзьями была чуть ли не единственным прибежищем.

Моя статья должна была помочь опомниться, чтобы с достоинством взять на себя вину, ясно понимая ее характер в каждом отдельном случае. Статья указывала и на совиновность победивших держав, не затем, чтобы снять вину с нас, а правды ради и чтобы слегка воспрепятствовать возможной самоуверенности, имеющей в политике роковые последствия для всех. Возможность опубликования такой статьи при оккупационном режиме свидетельствует о том, какую свободу предоставлял духу с самого начала этот режим. Один видный американец сказал мне тогда, что статья адресована союзникам в такой же мере, как немцам. Я заботился о чистом воздухе, в котором мы, немцы, могли бы вернуть себе чувство собственного достоинства. Статья хотела также содействовать возможности нового союза с победителями, союза людей с людьми.

Несмотря на тогда еще скудную информацию, главные черты национал-социалистического режима с его изощренными методами, его тотальной лживостью и его преступными побуждениями были ясны каждому, кто желал это знать. Обновление немцев должно было начаться. Рассуждения этой статьи я и сегодня считаю верными — с одним существенным исключением: в своем понимании начавшегося тогда Нюрнбергского процесса я в одном решающем пункте ошибся.

Англосаксонская идея была великолепна. Нам казалось тогда, что уже забрезжило из будущего что-то такое, что изменит человеческий мир: создание мирового права и такое состояние мира, где преступления, которые ясно определены, будут неотвратимо караться общими силами крупнейших держав. Никакой политик, никакой военный, никакой функционер не сможет в будущем ссылаться на государственные соображения или на приказы. Все действия государства совершаются людьми, личностями, будь то власти-тели или разного ранга приспешники. Раньше сваливали ответственность на государство, словно это что-то священное и сверхчеловеческое. Теперь каждый должен сам отвечать за то, что он делает. Есть преступления государства, которые всегда в то же время являются преступлениями определенных отдельных лиц. Есть необходимость и честь в приказе и повиновении, но повиноваться нельзя, если повинующийся знает, что он исполняет преступление. Присяга, связанная с государственными делами, непреложна только тогда, если она принесена Конституции или солидарности общества, открыто выражающего и обосновывающего свои цели и взгляды, а не как клятва на верность лицам, занимающим политические или военные посты. Личная ответственность не прекращается

нигде. Могут, конечно, возникать большие конфликты, но в действительности суть дела, когда речь идет о преступлениях, всегда проста. Она начинается с того, что я вижу возможность или уже фактическое начало преступления и все-таки участвую. Когда кричат: «Германия, проснись, еврейство издохни», «полетят головы», когда Гитлер выражает телеграммой свою солидарность с потемпскими убийцами, должна говорить совесть, даже если участие еще не есть совершение преступления действием. Но кто потом отдаст или исполнит преступный приказ, тот, по идее, должен быть судим всемирным содружеством государств. При такой угрозе мир был бы обеспечен. Человечество объединилось бы в этике, которая понятна всем. Не повторилось бы то, что пережили мы: что люди, которых собственное государство унизило, поправ их достоинство и человеческие права, вытолкнуло или убило, не нашли бы защиты у вышестоящего содружества государств. Такое не повторилось бы, чтобы свободные государства ухаживали за Гитлером, предавая немцев, чтобы они валом валили на Олимпиаду в Берлин, чтобы они на своих научных конгрессах и культурных мероприятиях принимали тех, кого позволяло принимать отстранявшее неугодных национал-социалистическое государство. Никогда не повторилось бы то, что случилось

в Германии: что свободные западные государства дружно не воспротивились сначала мирными средствами преступлениям, которые совершались после 1933-го и сильно умножились после 1934 года, что они терпели их под удобным прикрытием «невмешательства во внутренние дела». Когда в государстве, чей народ по культуре, традициям, европейскому мировосприятию родствен другим народам, этот народ, пусть по его собственной вине, постигает беда и он оказывается бессилён перед тоталитаризмом, его, как при стихийном бедствии, нельзя бросать на произвол судьбы, отдавать его собственным властителям-террористам.

Теперь должна была начаться новая эпоха. Был учреждён такой суд, на дальнейшее развитие которого мы возлагали надежды. Вечная человеческая тоска увидела сбывающуюся мечту. Это было очень наивно. Я принимал в этом участие, несмотря на свои годы и на долгие размышления о политике. Я осознал тогдашнюю недостаточность своего понимания и в этом пункте пересматриваю свое мнение.

В суде заседала большевистская Россия, как государство тоталитарной власти, по форме власти ничем не отличавшаяся от национал-социалистического государства. В разбирательстве участвовал, таким образом, судья, факти-

РАНЬШЕ СВАЛИВАЛИ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
НА ГОСУДАРСТВО, СЛОВНО
ЭТО ЧТО-ТО СВЯЩЕННОЕ
И СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ.
ТЕПЕРЬ КАЖДЫЙ
ДОЛЖЕН САМ ОТВЕЧАТЬ
ЗА ТО, ЧТО ОН ДЕЛАЕТ.
ЕСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВА, КОТОРЫЕ
ВСЕГДА В ТО ЖЕ
ВРЕМЯ ЯВЛЯЮТСЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ
ОПРЕДЕЛЕННЫХ ОТДЕЛЬНЫХ
ЛИЦ. ЕСТЬ НЕОБХОДИМОСТЬ
И ЧЕСТЬ В ПРИКАЗЕ
И ПОВИНОВАНИИ,
НО ПОВИНОВАТЬСЯ НЕЛЬЗЯ,
ЕСЛИ ПОВИНУЮЩИЙСЯ
ЗНАЕТ, ЧТО ОН ИСПОЛНЯЕТ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ.

чески вовсе не признававший права, которое должно было лечь в основу суда. Суд рассматривал не преступления, географическое место которых было известно, а только действия обвиняемых. Это самоограничение обвинения, исключавшее процесс против «неизвестного лица», избавляло от трудностей. Разбирательство ограничилось военнопленными. Действия западных держав, которые в ходе войны производили разрушения без военной необходимости, предметом разбирательства тоже не стали.

Тогда, в 1945 году, я думал об этом, но не рассуждал. Несмотря на ужас при виде абсурдного уничтожения Дрездена и Вюрцбурга, я говорил себе: действия обеих сторон нельзя, может быть, мерить одной мерой. Население, отдающее все силы на службу преступному государству, не может рассчитывать на пощаду. Если миллионы людей из покоренных стран вывозились в Германию для рабского труда, если ежедневно шли поезда, чтобы доставить евреев к газовым камерам, если война на Западе началась с разрушения центра Роттердама и — при уничтожении Ковентри — со слов Гитлера: «Я сотру их города с лица земли», если мир видел, что ему угрожает владычество преступников, захвативших большую часть Европы, — то, может быть, нельзя и ждать от низших инстанций,

что они не допустят полной безудержности. Не принципы господства свободных государств, а какие-то особые, возможно, даже и не одобряемые своими правительствами инстанции могли приступить к планомерным, с военной точки зрения ненужным разрушительным акциям, отвечая на террор германской власти террором против германского населения. Это было бы великолепно и сделало бы процесс совсем другим, всемирно-историческим событием, если бы и эти преступления предстали перед его форумом. Мне следовало тогда сразу же написать об этом.

Процесс, ведомый англосаксонской правовой мыслью, протекал сначала убедительно. Работа с обвиняемыми на первом процессе безупречна (о дальнейших нюрнбергских процессах я не говорю). Хотели правды и справедливости. Юридически преступления были определены. Судить предполагалось за эти преступления, не за моральные предосудительные действия вообще. Отсюда оправдание Шахта, фон Папена, хотя суд и выразил моральное осуждение их действий. Характерно, что русский судья не одобрил этих оправдательных приговоров в своем «особом мнении». Его слабое правовое сознание не способно было отличить юридически определенное от морального. Этот судья судил только как победитель, тогда как другие

хотели самоограничения власти победителей и осуществляли его.

Но тем не менее надежда обманула. Великая идея явилась, как в прежние времена, лишь как идея, не как действительность. Процесс не сделал основой мирового уклада мировое право.

То, что этот процесс не выполнил своего обещания, имеет дурные последствия. Если тогда я писал: «Чтобы вместо благословения Нюрнберг стал, наоборот, роковым фактором, чтобы мир в конце концов пришел к заключению, что процесс был не настоящий, а показательный — этого нельзя допустить», — то сегодня я не могу отделаться от мнения, что, хоть процесс был не показательный, а даже безупречный по юридической форме, это был все-таки не настоящий процесс. Он оказался на поверку разовым процессом победивших держав против побежденных, в основе его не было общего правового уклада и общей правовой воли победивших держав. Поэтому он достиг противоположного тому, чего должен был достичь. Не было учреждено право, а было усилено недоверие к праву. Разочарование при таком величии замысла убийственно.

От такого опыта нам нельзя отмахиваться, даже если мы верны этой великой идее. Противоправные силы еще неизмеримо мощнее. Сегодня еще удастся сразу дать миру

основу для спокойствия, как то предполагалось в Нюрнберге. Само это спокойствие, гарантированное законом по воле великих держав, которые сами подчиняются этому закону, нуждается в одной предпосылке. Оно не возникнет просто из таких мотивов, как безопасность и освобождение от страха. Оно должно постоянно воссоздаваться со все новым и новым риском для свободы. Длительное ощущение этого спокойствия предполагает духовно-нравственную, полную высокого достоинства жизнь. Она была бы и основой такого спокойствия, и одновременно его смыслом.

Ясперс Карл

ВОПРОС О ВИНОВНОСТИ

О политической ответственности
Германии

Главный редактор *С. Турко*

Руководитель проекта *Д. Рыбина*

Корректоры *Т. Редькина, Е. Чудинова*

Верстка *А. Абрамов*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Подписано в печать 21.10.2022. Формат 84×108 1/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 7,0 печ. л. Тираж 3000 экз. Заказ №

ООО «Альпина Паблишер»
123060, Москва, а/я 28
Тел. +7 (495) 980-53-54

ООО «Альпина Диджитал»,
123007, г. Москва, ул. 4-я Магистральная, д. 5, стр. 1, этаж 3,
пом. XIII, ком. 106; ОГРН 1137746300768

www.alpina.ru
e-mail: info@alpina.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

12+

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

«АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР» РЕКОМЕНДУЕТ

В саду чудовищ Любовь и террор в гитлеровском Берлине Эрик Ларсон, 2022, 624 с.

Тот, кто жил в Германии и видел происходящее, понимал: произошли фундаментальные сдвиги, в стране сгущается мрак. Но гости страны почему-то упорно не хотели ничего замечать.

Эрик Ларсон

О чем книга

Известный журналист и автор нескольких бестселлеров Эрик Ларсон предлагает читателю погрузиться в атмосферу Берлина 30-х гг. XX в., в переломный период новейшей истории Германии — от назначения Гитлера на пост канцлера до узурпации им власти и превращения страны в «сад чудовищ» — диктатуру, активно готовящуюся к войне. В этот период США придерживались позиции невмешательства и предпочитали не замечать милитаризации, преследования инакомыслящих и признаков будущего террора. Главные герои книги — Уильям Додд, в 1933 г. назначенный послом США в Берлине, и его дочь, светская львица, которая поначалу восхищалась гитлеровским режимом. В основе сюжета — официальные документы, мемуары, дневники и письма, позволяющие узнать о судьбе главных героев: дипломатов, общественных деятелей, журналистов, представителей нацистской верхушки и простых людей. Вместе с послом и его семьей читатель проходит путь от неприятия реальности к осознанию зла, которое несет режим нацистов, а затем — к отчаянным, но безуспешным попыткам предупредить мир о грозящей опасности.

Почему книга достойна прочтения

- Названа книгой года по версии *The New York Times*, *The Washington Post*, *NPR*, *O, The Oprah Magazine*, *Publishers Weekly*, *The Week*.
- Документальная проза, написанная в неподражаемом стиле Эрика Ларсона, позволяет читателю оказаться на месте трагических событий — в Германии 1930-х гг. — и увидеть все глазами очевидцев.
- Автор дает возможность узнать уже известных исторических личностей — Гитлера, Геринга, Геббельса и др. — с очень неожиданных сторон.
- Книга основана на исторических документах и серьезных исследованиях, в то же время читается как политический триллер.

Кто автор

Эрик Ларсон — автор нескольких бестселлеров. Его книги издаются в более чем 20 странах мира. Писал статьи для множества американских журналов, был штатным автором *The Wall Street Journal* и *Time*.

Книги издательской группы «Альпина»
вы всегда можете купить на сайте* alpina.ru

«АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР» РЕКОМЕНДУЕТ

Исход Возвращение к моим еврейским корням в Берлине

Дебора Фельдман, 2022, 400 с.

Не было для меня большего триумфа, чем отыскать дорогу домой.
Дебора Фельдман

О чем книга

История побега Деборы Фельдман из нью-йоркской общины сатмарских хасидов в Берлин стала бестселлером и легла в основу сериала «Неортодоксальная». Покинув дом, Дебора думала, что обретет свободу и счастье, но этого не произошло. Читатель этой книги встречает ее спустя несколько лет — потерянную, оторванную от земли, корней и всего, что многие годы придавало ей сил в борьбе за свободу. Она много думает о своей бабушке, которая была источником любви и красоты в жизни. Путь, который прошла бабушка, подсказывает Деборе, что надо попасть на родину ее предков, чтобы примириться с прошлым, которое она так старалась забыть. Ее как магнитом тянет в Европу, на землю, которую ее община считала «выжженной», и сейчас Дебора больше не убегает — она возвращается.

Почему книга достойна прочтения

- Продолжение бестселлера «Неортодоксальная», вдохновившего Netflix на сериал, получивший премию «Эмми».
- Глубокое и трогательное исследование природы воспоминаний и травм поколений, а также примирения как с самим собой, так и с миром.
- Лаконичный стиль, пронзительные откровения, уникальная история взросления.

Кто автор

Дебора Фельдман выросла в общине сатмарских хасидов в Вильямсбурге, Бруклин. Ее первая книга воспоминаний — «Неортодоксальная» — стала бестселлером по версии *The New York Times* и вдохновила Netflix на сериал, получивший премию «Эмми». Сейчас живет с сыном в Берлине.

Книги издательской группы «Альпина»
вы всегда можете купить на сайте* alpina.ru

На 100 лет вперед Искусство долгосрочного мышления, или Как человечество разучилось думать о будущем

Роман Кржжарик, 2022, 350 с., ил.

По сути, у каждого из нас в голове умещаются два типа мышления. Один — я называю его зефирным мышлением — заиклен на сиюминутных желаниях и вознаграждениях. Другой — желудочное мышление — позволяет нам предвидеть далекое будущее и работать над достижением долгосрочных целей. Взаимодействие между этими типами мышления — важная часть того, что делает нас людьми.

Роман Кржжарик

О чем книга

Мы живем в эпоху сиюминутных потребностей и краткосрочного мышления. Глобальные корпорации готовы на все, чтобы удовлетворить растущие запросы акционеров, природные ресурсы расходуются с невиданной быстротой, а политики обсуждают применение ядерного оружия. А что останется нашим потомкам? Не абстрактным будущим поколениям, а нашим внукам и правнукам? Оставим ли мы им безопасный, удобный мир или безжизненное пепелище? В своей книге философ и социолог Роман Кржжарик объясняет, как добиться, чтобы будущие поколения могли считать нас хорошими предками, установить личную эмпатическую связь с людьми, с которыми нам, возможно, не суждено встретиться и чью жизнь мы едва ли можем себе представить. Он предлагает шесть концептуальных и практических способов развития долгосрочного мышления, составляющих основу для создания нового, более осознанного миропорядка, который открывает путь культуре дальних временных горизонтов и ответственности за будущее. И хотя вряд ли читатель сможет повлиять на судьбу всего человечества, но вклад в хорошее будущее для наших потомков может сделать каждый.

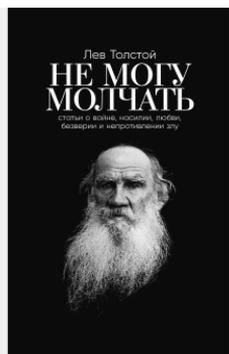
Почему книга достойна прочтения

- Автор затрагивает самые актуальные и животрепещущие вопросы, связанные с развитием нашего общества на сотни лет вперед.
- Удивительные факты, исследования, методики, которые помогут нам понять, что мы оставим после себя и как будут жить наши потомки.
- Шесть принципов долгосрочного мышления, освоив которые, мы сможем называть себя хорошими предками.

Кто автор

Роман Кржжарик — философ, социолог. Учился в университетах Оксфорда, Лондона и Эссекса, получил степень доктора философии в области политической социологии. Он основал первый в мире Музей сопереживания (Empathy Museum) и в настоящее время является научным сотрудником Long Now Foundation и членом Римского клуба.

Книги издательской группы «Альпина»
вы всегда можете купить на сайте* alpina.ru

Не могу молчать

Статьи о войне, насилии, любви, безверии и непротавлении злу

Предисловие Павла Басинского

Лев Толстой, 2022, 332 с.

Непосредственное чувство говорит людям, что не должно быть того, что они делают, но как тот убийца, который, начав резать свою жертву, не может остановиться, так и русским людям кажется теперь неопровержимым доводом в пользу войны то, что дело начато.

Лев Толстой

О чем книга

Перед вами сборник избранных статей великого русского писателя, чей мощный голос звучал и до сих пор звучит на весь мир. Лев Толстой всегда откликался на самые острые, болезненные проблемы России, его безмерно волновала судьба граждан страны. В сборник вошли три статьи писателя, раскрывающие его дар мыслителя и публициста. «Одумайтесь!» — антивоенная статья. Она была написана после начала Русско-японской войны, впервые увидела свет на английском языке из-за цензуры. В манифесте «Не могу молчать» писатель решительно высказывается против смертной казни, а в статье «Закон насилия и закон любви» осуждает всякое насилие одних людей над другими. Рассуждая о войне и мире, любви и смерти, вере, долге и свободе воли сегодня, нам не обойтись без отсылок к этим ярким, полемическим текстам.

Почему книга достойна прочтения

- Лев Толстой в необычном для современного читателя амплуа — мыслитель и публицист, высказывающийся на острые социальные и общественно-политические темы.
- Три статьи — «Одумайтесь!», «Не могу молчать», «Закон насилия и закон любви» — о войне и мире, любви и смерти, вере, долге и свободе воли.
- Предисловие Павла Басинского, лауреата премии «Большая книга», биографа Льва Толстого.

Кто автор

Лев Толстой — один из наиболее известных русских писателей и мыслителей, один из величайших писателей-романистов мира.

Книги издательской группы «Альпина»
вы всегда можете купить на сайте* alpina.ru